

Глава 1

Я нажимаю на экране телефона кнопку с треугольником, и через секунду в моих наушниках начинает играть:

*«Big wheels keep on turning
Carry me home to see my kin...»*

Мне нравится американская классика: рок, фолк, блюз, ну знаете, это типа наше наследие. Хотя многие и делают презрительно-недовольную гримасу каждый раз, когда слышат старину Дилана или Аэросмит в моём плейлисте, и я даже могу их понять: когда тощий девятнадцатилетний янки с сальными волосами начинает затирать тебе про классику рока, хочется разве что схватить его за шкурку и хорошенько встряхнуть, выбив из него всё это спесивое дерьмо и отправив дальше играть в приставку и курить дурь за гаражами в компании поклонников Эминема и ебанутих клубных ремиксов и так никому не известных песен.

*«...Well I heard Mister Young sing about her
Well I heard ole Neil put her down...»*

Признаюсь честно, я не так уж и привередлив к музыке, особенно когда бухой. Но это дрочево гитарных риффов и эпические тексты - это всё, что осталось у меня от Тони. Эта музыка и его джинсы, которые он подарил мне на Рождество. Мы познакомились, когда мы с родителями ещё жили при Гриффс Глен в Хантсвилле. Он был на четыре года старше меня и выглядел абсолютно отбитым: лохматые патлы, которые когда-то точно были какого-то цвета, потрёпанная жизнью кожаная куртка и тяжёлые армейские ботинки, явно больше на пару размеров, которые он упорно носил, невзирая на кровавые мозоли. С одной стороны, мне стоило бы вспомнить мамины наставления и держаться подальше от таких типов, как Тони. С другой стороны, если бы вы хоть раз прошли по нашему району до начальной школы Мак Доннел, вы бы обосрались так, что были бы готовы подружиться хоть со сраным Фредди Крюггером, лишь бы не оставаться там в одиночестве. Да и в самой школе это правило продолжало работать. Я даже не знаю, что вызывало больше страха: её схожесть с секретным правительственным объектом, как будто специально расположенном на безлюдном пустыре, вечно затянутом туманом, или те ублюдки, которых я был вынужден видеть там каждый день.

*«...Sweet home Alabama
Where the skies are so blue...»*

Да и кого я обманываю — на фоне всего этого Тони совсем не пугал меня. Стоя рядом с ним в очереди в кафетерии, сквозь запахи омерзительной жижи, называемой обедом, я отчётливо уловил запах его кожаной куртки, и моментально почувствовал себя снова ребёнком, когда отец возвращается с рыбалки и пахнет табаком, снастями, сырой землёй и чем-то таким неуловимым, чем по удивительной случайности пахла

и куртка Тони. Глупо начинать доверять людям, потому что они пахнут чем-то крутым, но помимо этого неоспоримого достоинства Тони также был молчалив, честен, немного философом, и у него всегда были сигареты. Мы слушали «Sweet Home Alabama» на его старом айпоне, раскуривая одну сигарету на двоих под раздолбанной трибуной на футбольном поле. Тони задумчиво смотрел вдаль, а я пытался подавить свой агрессивный нонконформизм, который вызывал во мне чувство отвращения к прослушиванию песни о любви к Алабаме, когда живёшь в Алабаме. Мне не хотелось быть похожим на тех сорокалетних уродов, которые повизгивая хлопают в ладоши каждый раз, когда дыру, в которой они родились, показывают по государственному ТВ. Но Тони нравилась эта музыка, и она нас связывала, а потому я просто не мог не полюбить её.

Хрен его знает, где он сейчас, мы дружили несколько лет, а потом просто начали исчезать из жизни друг друга, как будто так и должно быть. Последний раз я видел его, когда он, пьяный и одновременно обдолбанный кислотой, залез в окно моей спальни на втором этаже в два часа ночи. Я молился, чтобы родители не проснулись, и одновременно как-то заворуженно и тоскливо смотрел на его костлявое тело, развалившееся на моей постели, как у себя дома. Будто бы знал, что вижу его в последний раз. Потом он куда-то исчез, а спустя полгода мы переехали в Чикаго. Иногда мне хочется узнать, как он поживает. Собрал ли он мотоцикл, о котором так мечтал, разобрался ли с агрессивным бывшим той потаскухи, с которой встречался, не скололся ли в канаве. Но с тех пор я ничего о нём не слышал. Ублюдка даже нет на фейсбуке, сколько бы я не включал сраного Шерлока, прочёсывая френд-листы потенциальных общих знакомых. Впрочем, это так похоже на Тони.

*«...Sweet home Alabama
Lord, I'm coming home to you...»*

Я ступаю своими красными кедами по уродливой тротуарной плитке. На севере она вылизана едва ли не до блеска, поэтому мне нравится выискивать на ней трещины и окурки. Они служат напоминанием о реальной жизни для местных хипстеров и бизнесменов, которые выйдут из рафинированных офисов в блестящих небоскрёбах и сразу же попрячутся по своим квартирам в стиле лофт или же барам с крафтовым пивом и кофейням с маффинами. Но может быть кто-то из них, глядя на незатушенную сигарету у края тротуара, хоть на секунду задумается о том, что для кого-то эти улицы — просто своего рода Чистилище, после которого придётся спуститься в разверзнувшийся Ад метрополитена и ещё час трястись в засранном поезде с бездомными прежде, чем попасть в своё «роскошное» жилище в районе, при попытке загуглить название которого сразу выдаётся криминальная сводка. Я дохожу до Мичиган Авеню и, засмотревшись на кафешки на противоположной стороне улицы, спотыкаюсь о пожарный гидрант прямо у пешеходного перехода. Какой идиот додумался его здесь поставить? Линэрд Скинэрд в дешёвых наушниках из супермаркета выдают соляк на электрогитаре. Сквозь инструментальную партию и женский бэк-вокал я слышу пронзительный скрип. Повернув голову влево, я вижу радиаторную решётку белого универсала, тщетно пытающегося сбавить скорость и влетающего в меня прежде, чем в песне успевает закончиться такт.

Я открыл глаза и попытался понять, где нахожусь. Потолок над головой исполосован массивными балками, с которых очень нелепо свисают праздничные люстры, разбавляющие окружающую темноту слабым жёлтым светом. На фоне играют Блэк Айд Пис, что наводит меня на мысль, что я умер и попал наконец-то в Ад. Впрочем, ещё раз окинув взглядом дешёвое освещение с распродажи в Волмарте и почувствовав запах пота и дешёвого бухла, я вдруг вспомнил, что вся эта картина кажется подозрительно знакомой. Придя в себя, я понимаю, что не ошибся — я нахожусь в спортзале старшей школы Энглвуда на своём собственном выпускном. Мои одноклассники танцуют в обнимку с красными пластиковыми стаканчиками, содержимое которых, определённо, огнеопасно. Девчонки, в обычной жизни выглядящие вполне сносно, затянули себя в вычурные платья и размалевались как дешёвые шлюхи, почему-то считая, что выглядят королевами бала. Кстати, о дешёвых шлюхах... Нет, я определённо попал в Ад. Протискиваясь среди пёстрой разодетой толпы, ко мне направляется Руфь. Её рыжие волнистые волосы начёсаны, будто чтобы специально подчеркнуть их сухость. Макияж как всегда — мисс «пять баксов в час». Ко всему прочему она разодета в короткое белое платье без бретелек — очень дальновидный ход, учитывая то, что мы и так немногочисленные белые на этом празднике жизни.

— Я разве не говорил, что в белом твоя жопа выглядит ещё толще?

— И тебе привет, — она скривила неровно накрашенные губы.

— Вот уж не думал, что Ад будет выглядеть как выпускной. Хотя догадаться можно было, — я оглядываю уродливый зал с жёлто-фиолетовыми знамёнами, пока Руфь отхлебывает из своего стакана.

— Думаешь, ты в Аду?

— Ну я же разговариваю с тобой. Думаю, в других условиях этого диалога бы не случилось.

— Ну почему же, — она картинно закатывает глаза и накручивает прядку волос на палец, — я всё ждала, когда ты позвонишь, изголодавшись по жалкому полутораминутному сексу без обязательств.

— Я бы, пожалуй, снял спидозную шлюху, нежели ещё раз прикоснулся к тебе. Хотя погоди-ка...

— ... и сейчас он скажет, что спидозная шлюха — это я. Господи, Кев, у тебя было столько времени, чтобы придумать хоть одну новую шутку!

— А у тебя — чтобы выбрать платье, в котором ты не похожа на пирожное с кремом. Жиирным кремом, — смакуя протянул я, — и мы оба в этом обосрались.

— Признаться, я жалею, что ты на самом деле не попал в Ад. Ты этого заслуживаешь, — равнодушно ответила она и залпом осушила содержимое стакана.

— И где же я по-твоему? — спрашиваю я, пытаюсь прикрыть тревожное любопытство похуистической интонацией.

— Сам разбирайся, надменный кусок дерьма.

С этими словами она почти мгновенно скрывается в толпе, совершенно точно направившись к столу с пуншем. Я вскакиваю со ступенек трибуны, на которых сидел всё это время и ощущаю, что ноги деревенеют и не слушаются. Перед глазами всё плывёт, и меня охватывает чувство непреодолимой тревоги. Блять, только не снова! Я слишком хорошо знаю симптомы панической атаки, и она в мгновение рушит мою уверенность в том, что я мёртв. Я жадно хватаю ртом воздух и, опираясь на стену, стараюсь собрать мысли в кучу. Какого чёрта я здесь делаю? Как я сюда попал? Что произошло? Я пытаюсь позвать кого-то из танцующих вокруг, но грудную клетку будто сдавило, и я не могу произнести ни слова. Наконец, я вижу впереди мистера Ноксвилла — нашего учителя истории, стоящего неподалёку со стаканом сока и буравящего меня взглядом. Чёрт, сейчас он подумает, что я набухался, нужно дать ему понять, что это не так... В глазах начинает темнеть, и вдруг я чувствую, как мой желудок выворачивается наизнанку. Меня тошнит, наверное более смачно, чем когда-либо. Среди звуков собственной отрыжки я слышу, как голос Ферги на фоне затихает и сменяется... шумом улицы? Освободив желудок от съеденных на завтрак вчерашних мини-пицц, я поднимаю глаза и обнаруживаю себя на тротуаре Мичиган Авеню.

— Чувак, ты как? Принимал что-нибудь? — спрашивает меня молодой парень с дредами и козлиной бородкой. Он держит на коленях синий рюкзак и бутылку минералки, которой он уже, судя по всему, сбрызнул мне лицо. Я тупо смотрю на него несколько секунд, а затем принимаюсь осматривать свои конечности. Ничего не сломано, ни одной царапины. Осмотревшись, я не замечаю ни белого универсала, ни полицейских, ни толпы зевак.

— Так что, ты нормально? Сам дойдёшь?

Я киваю и, неуклюже встав, направляюсь в сторону метро, то и дело оглядываясь. Движение на Мичиган Авеню остаётся прежним, будто бы ничего не произошло. Но я был уверен, что меня сбила машина! Я чувствовал всё: визг тормозов, удар, моё отлетевшее в сторону тело... На сколько я отключился? Вспомнив о наушниках, я растерянно засовываю один в ухо. Из него доносится голос Пола Саймона, приветствуя пресловутую Миссис Робинсон. Словно зомби я прохожу ещё несколько кварталов до станции метро Гранд и спускаюсь в подземку.

Что за херня только что со мной произошла?

Мои родители прожили в Чикаго недолго — уехали почти сразу, как я закончил старшую школу. Однажды им позвонила Элисон и сообщила, что её муж попал в аварию. Вскоре он умер в больнице, отчего моя сестрица осталась совсем одна с полугодовалым ребёнком на руках. Поскольку она ни дня в жизни не работала, то и жить ей неожиданно(!) стало не на что. Да и особым умом она никогда не отличалась, поэтому родители приняли решение вернуться в Хантсвилл, чтобы помочь ей встать

на ноги. Не знаю, ради чего был затеян весь этот фарс, потому что, зная Эли, она уже через пару дней могла бы закинуть ноги на плечи какому-нибудь старшему менеджеру, заскочившему в город проездом, чтобы он уже через неделю увёз её в Бирмингем жить долгой и счастливой мещанской жизнью. Но, видимо, ей совсем не хотелось напрягаться, а потому они всей семьёй снова въехали в наш старый дом и зажили так, словно ничего и не менялось вовсе. Разве что меня теперь с ними не было, и некому было доедать залежалую пиццу из холодильника и дрочить в своей душной комнате.

Я предпочёл остаться в Чикаго. Снял комнату в Вудлоуне недалеко от дома, который мы арендовывали всей семьёй в мои школьные годы. С арендодателем мне повезло — кажется, его зовут Гарри и, кажется, он тучный усатый мужик, возможно, с мексиканскими корнями. Я не уверен, потому что дома появляется он, дай боже, пару раз в месяц, в остальное же время от меня требуется только вовремя платить по счетам, не заходить в его комнату на первом этаже, не трогать его вещи и не засирать кухню сильнее, чем она была засрана при въезде. Впрочем, не уверен, что такое вообще возможно. А так у меня даже собственный толчок есть. Примерно треть зарплаты уходит на аренду, остальное же я бездарно просираю на психотерапию и травку. Даже не знаю, что помогает лучше.

Вы наверное скажете, что психотерапия — это по-гейски, и я тоже так думал. Но иногда в твоей жизни случается такой пиздец, что игнорировать его становится просто нереально. Не хочу превращаться в нытика и зануду, но общество недооценивает психологические проблемы, списывая их на лень, плохое настроение и самовнушение. Сходи погуляй! Развейся! Не парься! И вжух! Ты моментально избавляешься от депрессии, неврозов, биполярки и прочих радостей современной городской жизни. Перестанешь просыпаться в поту и бежать блевать в приступе панической атаки. Я знаю, что это можно пережить, послав всех куда подальше и закрывшись в загаженной пыльной квартире, снова и снова переживая персональный ад, как, например, мой друг Кайл. Когда он вернулся из реабилитационного центра, заходить к нему в комнату было мягко говоря страшновато. Темнота, вонь и его тело, свернувшееся в клубок на незастеленной кровати. Он каждый день жил так, будто уже умер, почти не вставая и утратив всякую волю к жизни, но это всё равно казалось ему лучшим выходом, нежели медикаменты и беседы с врачом. К терапии он так и не вернулся, как бы ни пытались его уговорить друзья и родители. Даже не знаю, правильно ли он поступил. С одной стороны, его колбасило так, что без слёз не взглянешь, а с другой — я тоже не выглядел восхитительно, когда одним прекрасным утром закинулся нейролептиками и, отключившись в толчке, разбил голову о сливной бачок.

Честно сказать, я и сам до сих пор скептически отношусь ко всему этому. К доктору Андерсу меня затащили родители, у нас был уговор — либо я возвращаюсь в бомжатский Хантсвилл вместе с ними, либо выживаю здесь при условии, что раз в неделю стабильно базарю с доком о своей никчёмной жизни и принимаю лекарства, которые помогают справляться с паническими атаками. Диагноз «стрессовое расстройство» мне поставили ещё прошлым летом, и с тех пор я живу на колёсах, хотя толком не понимаю, откуда всё это вообще взялось. Не знаю, насколько они помогают,

как по мне, так единственный способ что-то с этим сделать — это не жить в таком ебанутом мире.

Я выхожу из метро и иду вдоль загаженных пустырей и забегаловок с уродливой наружной рекламой. Выбрав это место для жизни, родители будто нарочно сделали всё, чтобы я получил перо под ребро раньше, чем среднее образование. Что удивительно, мне пока везло, и я разве что пару раз словил по морде от местной гопоты, лишившись своих немногочисленных денег. Может, это всё потому, что мы постоянно тусовались с Кайлом и Грубым. Грубый вообще успел заслужить небывалый авторитет, и в представлении не нуждается. Он считает себя расово верным поляком, хотя его мамаша приехала сюда мыть толчки и удачно выйти замуж задолго до его рождения. От поляка в нём только маленькие свинячьи глазки и широкое лицо, которое, впрочем, затерялось на фоне густой бороды и лишней сотни килограммов. Иногда он намеренно вставляет в разговор польские ругательства, но перед этим обязательно задумается, едва не произнеся аналог на английском, что делает их ещё более неуместными и искусственными. Но в определённых кругах он известен, конечно же, не за это, а за то отменное дерьмо, которым он торгует. У Грубого не сильно много принципов — он и ребёнку толкнёт дури, если тот принесёт достаточно денег. Но, стоит признать, даже ребёнок останется доволен. Никто так и не знает, где он её находит, но трава действительно отменная. Хотя один принцип у него всё-таки имеется: сам он, на удивление, никогда не употребляет то, что продаёт. Бухает как чёрт, этого не отнять, но с косяком его не встретишь ровным счётом никогда.

Я подхожу к дому и вижу, что окно моей спальни приоткрыто. Поднявшись по лестнице, я обнаруживаю там Кайла, прислонившегося спиной к стене и выдыхающего дым из маленькой деревянной трубки.

— Чувак, я думал, ты завязал? — улыбаюсь я, бросая рюкзак на пол и, легко стукнувшись кулаком о его кулак, принимаю трубку в свои руки, быстро вдыхая остатки дыма. Горло немного щиплет, а в груди разливается приятное ароматное жжение.

— Всё под контролем, — улыбается он в ответ, — я туда больше не вернусь.

Я улавливаю в его взгляде неподдельную серьёзность и понимаю, что он не врёт.

Хотя кого я обманываю — он в очередной раз влез ко мне домой, чтобы накуриваться и страдать хернёй, и это уже говорит о том, что люди не меняются. Прошло всего два месяца с тех пор, как он вернулся с реабилитации, а наша жизнь уже почти вернулась в привычное русло. Так странно смотреть на него сейчас — словно на месте привычного Кайла теперь совсем другой человек: когда-то длинные дреды подстрижены под машинку, а нездоровая худоба сменилась обычной фигурой лишь слегка недоедающего ученика старшей школы.

Кайл — мой лучший друг ещё со средних классов. Несмотря на жопу, в которой мы живём, у него, наверное, самая нормальная работа из всех нас. Он постоянно мотается в центр фоткать бургеры для хипстерских забегаловок и периодически по два дня торчит с фотиком на свадьбах уёбков, берущих на них кредиты размером в свою годовую зарплату. Иногда даже белых, но это скорее исключение. В целом мы с ним очень разные, и иногда я вообще не понимаю, на какой почве мы подружились (впрочем, время от времени я так про всех своих друзей думаю). Но я его считаю

крутым чуваком, у него есть какой-то внутренний стержень, и, если он и выглядит распиздяем внешне, то в реальности он дохера работает. Конечно, последние месяцы его сильно подкосили — он провёл «каникулы» в центре, где, как он рассказывал, порядки не хуже тюремных. Иногда я удивляюсь, как по-разному наркота влияет на людей. Например, наш друган Том так и не смог соскочить с крэка, но его самообладанию можно позавидовать. Наверное, это самый сдержанный и сосредоточенный человек, которого я знаю, а самое главное — благодаря его принципам, мы ни разу не видели его объёбанным. Такое-то наркоманское благородство, что, в принципе, достойно уважения. В отличие от Тома, Кайл довольно быстро сломался. Курить траву он начал где-то в начале девятого класса, потом пошли галлюциногены, и уже через пару лет он ебанулся, ловя параноидальные приступы и затирая теории о плоской земле с расширенными зрачками. Хочется верить, что реабилитация пошла ему на пользу. Во всяком случае, выглядит он гораздо лучше, чем в тот день, когда мне пришлось везти его, присевшего на измену, в единственную клинику, на которую мы с его родителями смогли найти деньги. Даже на человека стал похож.

— Ты какой-то убитый сегодня, всё окей? — спрашивает он, поднося зажигалку к уже почти переставшим тлеть уголькам.

— Да как обычно, — пожал плечами я, — правда... — здесь я запнулся. С одной стороны мне до ужаса захотелось рассказать про случай на Мичиган Авеню, с другой — я не уверен, что Кайл сможет это понять. Я и сам-то нихрена не понимаю.

— Что-то случилось?

— Да нет, всё как обычно, — я снова потянулся к трубке, и дальше мы курили уже молча.

Глава 2

Дерьмо случается, и случается оно всегда неожиданно. Я бы хотел быть к нему готовым, но, к сожалению, это невозможно.

Это было начало декабря, и я заканчивал смену у Сэмми около девяти вечера. Обычно в таких случаях я возвращаюсь домой, падаю мордой в подушку и засыпаю без сил, но в тот день у Фэйт был поздний клиент, и она позвала составить ей компанию. Фэйт тусовалась с нами ещё со школы, хоть и бросила учёбу гораздо раньше, чтобы стать татуировщицей. Её отец приторговывал метом и периодически проводил томные вечера в участке или же просто пропадал неделями, поэтому ей ничего не оставалось, как работать, чтобы платить за дом и не оказаться на улице. Ей повезло попасть в студию к Майку, который с удивительным энтузиазмом помогал ей развиваться, защищая и оберегая от всякого дерьма. Конечно, это не карьера медсестры, о которой она мечтала изначально, но тоже ничего. Во всяком случае, у неё это здорово получается, да и деньги приносит неплохие. А в компанию её привела Руфь, моя поехавшая бывшая, но, несмотря на все её грехи, за знакомство с Фэйт мы все ей безумно благодарны.

Я прихватил пакет острых крылышек, оставшихся со смены, и натянул провонявшую маслом куртку. На улице царила обыкновенная темнота и сырость, разбавляемая только мерцанием безвкусной вывески «У Сэмми», на которой красовалась темноволосая красотка с бургером в руках. Сэмми искренне надеялся, что клиентов будет больше, если они будут считать, что Сэмми — это грудастая модель, а не сорокалетний неудачник из южной части Чикаго. Впрочем, с его заплывшим вечно недовольным лицом я бы тоже не делал из себя бренд-персонажа.

От закуской Сэмми до салона, в котором работала Фэйт было не больше десяти минут пешком. Хотел бы я красочно описывать, как шёл по живым и мерцающим вечерним улицам, но, к сожалению, в Вудлоуне с описаниями особо не разгуляешься: полуразрушенные кирпичные дома, обоссанные дворы и ни души вокруг. А даже если и встретишь кого-то, то крупно пожалеешь об этом. Салон, где Фэйт работала вместе с Майком, также располагался в старом здании, но они здорово постарались, чтобы он выглядел как минимум прилично. Вдоль лестницы, ведущей ко входной двери, стояли маленькие горшочки с растениями, которые, ко всеобщему удивлению, ещё никто не спёр, а изнутри посетителей заманивала неоновая розовая вывеска со словами: «Пока не сдох». Меня всегда веселило это название, потому что люди так сильно озабочены своей жизнью, своим телом, да чёрт возьми — даже чужим телом! Когда дело доходит до татуировок, начинается нескончаемый поток мракобесного говна со всех сторон:

«А это навсегда?»

«А как это будет выглядеть в старости?»

«А что ты скажешь своим детям?»

«Наебашь себе что-нибудь действительно крутое, пока не сдох!» — вот, что обычно отвечает на это Фэйт, после чего из другого конца комнаты раздаётся громогласный хохот. Майк её просто обожает, в особенности за то, что её внешний вид совсем не соответствует поведению. Огромные оленьи глаза, трогательная каштановая чёлка, вечно пушащаяся сильнее положенного, и «рукава», полностью забитые какими-то хитровыебанными растениями — это очаровательная чувственная Фэйт, которая ненароком уводит клиентов у Майка, подкупая своими нежными руками и пухлыми губками, щедро намазанными чёрной помадой. И та же самая Фэйт пьёт палёный вискарь прямо из горла и с криком: «Завали ебало, пидор!» разламывает бейсбольную битку о дорожный знак просто потому, что может. Ну а ещё потому, что у Грубого действительно убийственное дерьмо, как я уже говорил. По уровню ебанутости она могла сравниться только с Руфью, но та, слава богу, свалила из нашей жизни ко всем чертям.

Ещё с противоположной стороны улицы я вижу настежь распахнутую дверь салона. Это немного странно — на улице двадцать шесть по Фаренгейту, и промозглый ветер противно щиплет лицо и руки. Я прохожу через маленький холл и захожу внутрь. — Дорогая, я дома! — с тупой ухмылкой скандирую я, потрясая пакетом с жареными крылышками, уже насквозь пропитавшими его вонючим жиром. На первый взгляд всё как обычно — на стенах висят эскизы татуировок с грудастыми девчонками и

сатанинскими названиями малоизвестных рок-групп, розоватый тусклый свет падает на пустое кожаное кресло... И вдруг я замечаю Фэйт. Она не стерилизует инструменты, не складывает эскизы в папку и не подметает плитку на полу однажды разломанной пополам и перемотанной изолентой метлой. Нечто, в котором мне совершенно не хочется признавать Фэйт, лежит на полу в углу комнаты, тяжело и хрипяще дыша. Чёрные узкие джинсы спущены до лодыжек, а нижняя часть лица измазана кровью, вытекающей из разбитой губы.

— Твою мать... — только и могу пробормотать я, бросаясь к ней. Я помогаю ей подняться и, в панике ища что-то, чем можно остановить кровь, подношу к её лицу бумажные полотенца со стола с инструментами. Она не отвечает на мои вопросы, да и мне не хочется их задавать. Я не знаю, что такого я могу спросить у неё сейчас, что не превратит этот пиздец в пиздец ещё большего масштаба.

— Ты знаешь, где живёт этот чувак? — я стараюсь сохранять твёрдость в голосе, чтобы дать ей понять, что эта ситуация не останется просто так. Но на самом деле я и сам охренительно напуган. Даже если мы и найдём того урода, который решил совместить сеанс у татуировщика с изнасилованием и побоями, то что мы ему сделаем? Грубый первым же сошлётся на охренительную занятость, а нам с Кайлом начистить лицо не так уж и сложно.

Я усаживаю Фэйт на кресло, всучив ей в руки открытую банку пива, а сам начинаю расхаживать кругами по студии, как загнанный пёс. Продолжаю повторять одни и те же фразы и задавать дурацкие вопросы, вместо ответов на которые она просто смотрит в стену, иногда кивая головой или отхлёбывая пива. Словно в тумане, я звоню Майку, и тот начинает орать что-то нечленораздельное в трубку. Мне кажется, что его голос время от времени дрожит, но это не меняет того, что я не понимаю ни слова из сказанного им. Выйдя на улицу, я сажаю Фэйт в раздолбанную жёлтую машину, отдав свою последнюю наличку таксисту, и провожаю взглядом тускнеющий свет фар, прорезающий пелену моросящего дождя, больше похожего на густой туман. Я слабо помню, как прибирал остатки разбросанных по полу инструментов и закрывал салон, неуклюже долго копошась ключом в замке. Не помню и как шёл, сам не понимая куда, по уже совсем уснувшим улицам, бездумно продолжая жевать давно потухшую и промокшую сигарету. Наушники болтались где-то на уровне шеи, и из них доносились лишь слабые отголоски того дерьма, что я любил слушать по дороге домой. Сквозь свою непробиваемую задумчивость, я всё же смог различить старый электронный бит и космические завывания синтезатора. На секунду вернувшись на Землю, я прислушался, различив в них «Enjoy The Silence», которую уже сто лет не слышал. От неё внутри меня будто что-то взрывалось, распадаясь на тысячи частиц и собираясь вновь в нечто совершенно новое. Я вслушивался в мелодию, словно переносясь куда-то в прошлое на год или два назад, где так же моросил дождь и воняло неубранным мусором, но всё было каким-то большим, светлым и правильным.

Немного отойдя от шока пережитого, я чувствую, как сильно раскалывается голова, а дыхание учащается в разы сильнее обычного. Пошатнувшись, я лихорадочно оглядываюсь вокруг, ища, на что опереться, чтобы устоять на ногах. Перед глазами всё плывёт, а в лёгких резко заканчивается воздух. В перерывах между паническими атаками ты думаешь, какая же это всё херня, и как ты легко справишься в следующий раз. А потом ощущаешь себя подстреленным псом, который боится умирать, но не

знает, что сделать, кроме как кусать свою же лапу и скулить. Я облокотился на подвернувшийся под руку фонарный столб и попытался глубоко вдохнуть. Нащупав в кармане маленькую оранжевую коробочку, я дрожащими руками достаю её и пытаюсь открыть, но в последнюю секунду она выпадает из рук, и таблетки рассыпаются по мокрому асфальту. Блять! Я падаю на колени, хватаю одну, наименее грязную и закидываю в рот, параллельно пытаюсь собрать все остальные. Сердце колотится как бешеное. Белые кружочки хаотично рассредоточены по асфальту, напоминая какое-то странное созвездие. Я даже нахожу некую медитативность в попытках их собрать и впадаю в подобие транса. Однако, из этого состояния меня выводит резкий и низкий гудок, раздавшийся откуда-то слева. Повернувшись на звук, я увидел ночной автобус номер 410, который от роду не ходил по этому маршруту. Свет фар был невыносимо слепящим, а толчок — неожиданно мощным. Мне показалось, что желудок приклеился к позвоночнику, заодно зацепив все прочие органы. Моё тело отбросило на несколько метров, но я всё ещё ощущал тепло радиаторной решётки и холодный привкус металла на разбитых губах. «Теперь всё действительно по-настоящему...» — успел подумать я и отключился.

Голова раскалывается так, что хочется схватиться обеими руками за уши и оторвать её к чертям собачьим. Я стараюсь сфокусировать взгляд, но всё вокруг плывёт и смазывается в бледную картину в зеленоватых тонах. Ко всему прочему, воняет так, что я удивляюсь стойкости своего желудка. Попытавшись собрать мысли в кучу, я вспоминаю что-то про улицу, сигарету, автобус... Я в больнице? Не слишком похоже. Скорее это напоминает... Срань господня, да я знаю это место! «Сосу как пылесос» — красуется кривая надпись шариковой ручкой прямо перед моими глазами. Под ней — уже давно всем знакомое имя и телефон. Я понял, что сижу на толчке в кабинке школьного туалета сраной Энглвудской школы. И, судя по всему, я основательно пьян. Собрав волю в кулак, я поднимаюсь и выхожу из кабинки, оперевшись руками на умывальник. Из зеркала на меня смотрит тощий парнишка с растрёпанными волосами. Он одет в чёрные джинсы и пиджак не по размеру, а на лице виднеется противная щетина, ещё и неровно растущая. Мне хочется выяснить, что же всё-таки происходит, но сил совершенно нет, зато количество алкоголя в крови приказывает задавать совершенно другие вопросы. Например: «Почему бы не накатить ещё?» О, да, это действительно похоже на мой выпускной.

Пошатываясь, я выхожу из туалета и дохожу до спортзала по полупустому коридору. По пути встречаю пару хихикающих девиц и какую-то парочку, зажимающуюся за шкафчиками. В спортзале играет Лил Джон, который, вероятно, сам бы хотел спросить, что не так с людьми, подбиравшими плейлист для выпускного в двадцать первом веке. Однако, сейчас мне даже нравится. Весело. Задорно. Я проталкиваюсь сквозь толпу и, налив себе пунша, коварно смешанного с водкой ещё в начале вечеринки, начинаю подёргиваться в такт музыке в окружении бывших одноклассников. Я никогда не был близок с кем-то из них, кроме парочки своих друзей,

но и им стоит отдать должное — меня всегда принимали нормально и никогда не пытались задеть, несмотря на то, что белых в нашей школе можно было пересчитать по пальцам, и я был далеко не самым выдающимся из них. Мой отец, напившись однажды, пытался втирать мне про то, что я должен быть предельно осторожен в жизни, потому что моё лицо прямо-таки просит чьего-то кулака. Очень мило с его стороны.

Я танцую как полный придурок, неловко вскидывая плечи и покачивая головой. Среди толпы я замечаю маячащее белое пятно с рыжей шевелюрой. Минута — и Руфь, сжимая в руке уже, наверное, сотый по счёту красный стаканчик, оказывается передо мной, танцуя рядом и глядя на меня своим фирменным взглядом. Когда-то под её «фирменным взглядом» я мог бы иметь ввиду смесь умопомрачительной страсти, всепоглощающей нежности и готовности дать тебе просрать, если ты вдруг сделаешь что-то не так. Сейчас от него осталась лишь часть про «дать просрать», смешанная с насмешливым презрением и нескрываемым посылом: «Я буду отравлять твою жизнь до тех пор, пока не сдохну». Я ненавижу её всеми фибрами своей души, и стараюсь уделять этой ненависти хотя бы пару минут в день. Ну знаете, я как-то смотрел видео, в котором говорилось, что чтобы преуспеть в чём-то нужно всего двадцать часов. А потом ещё десять тысяч, чтобы стать одним из первых в своём деле. Возможно, мне стоило бы больше практиковаться, и тогда я уже мог бы испепелять эту рыжую шлюху одним только взглядом. Но я тот ещё халтурщик, так что изысканно плевать желчью в её надменную морду при каждой встрече — довольно неплохой результат для любительского уровня.

Однако, сейчас я по какой-то непонятной причине пьян, а потому даже наслаждаюсь это блядовитой улыбкой, желающей мне смерти и мучений. Это как укус кобры, только... Даже не знаю, с чем сравнить. Становится ли укус кобры менее болезненным, когда ты бухой?

— Как дела у Фэйт? — спрашивает она, перекивая музыку, и внутри меня что-то ёкает, будто бы мама пришла с родительского собрания и интересуется моими успехами. А я, конечно, как обычно просрал всё, что было возможно.

— Вы же общаетесь, — отнекиваюсь я, — думаю, она и сама тебе расскажет.

Руфь недовольно морщит нос и снова отпивает из своего стакана. Её глаза подёрнуты пеленой, которая нравится мне больше всех прочих эмоций, которые она может испытывать — пеленой опьянения. Бухло превращает эту прибитую наглухо гидру во вполне безобидную медузу Горгону, которая максимум назовёт тебя пидором или врежется в дверной косяк.

Я теряю счёт времени, и мне начинает казаться, что я уже вечность нахожусь на этой вечеринке. Я родился здесь, я умру здесь. В окружении едва сдавших выпускные экзамены бедняков, половина из которых покатится по наклонной, на которую они уже благополучно ступили, а другая — будет жить на пособие, продолжая доить нашу и без того расшатанную страну.

Один за другим меняются стаканы с пуншем, и я уже не помню, кто я, и где нахожусь. Музыка пронизывает меня до костей, и я перестаю чувствовать своё тело. Ощуаю, как по губам стекает капля тёплой жидкости и, прикоснувшись к своему лицу, вижу на

руках следы крови. Голова начинает кружиться, и последнее, что я вижу — это испуганное лицо Руфи, исчезающее в пёстрой танцующей толпе.

Глава 3

— Ну, как твои дела? — с привычной улыбкой спрашивает доктор Андерс.

— Всё ещё как обычно, — бросаю я в ответ, пытаюсь удобнее устроиться в чрезмерно мягком кресле, — на прошлой неделе подруга попала в беду, но сейчас вроде бы всё в порядке.

— У тебя получилось ей помочь? — он смотрит на меня поверх очков.

— Да... типа того. Я не знаю, что делать в таких случаях. Сделал всё, что мог и стараюсь не надоедать ей. Майк многое для неё делает... да и Том всегда рядом. Думаю, всё будет окей. Надеюсь.

— Расскажешь, что именно произошло?

— Да ничего такого, что хотелось бы рассказывать... Какой-то ублюдок пришёл на вечерний тату-сеанс, в студии никого не было кроме них двоих, ну и этот кусок дерьма решил, что ему всё можно. Ещё и губу ей разбил, мудила.

— Что ты почувствовал, когда узнал об этом? — нахмурился док.

— Не знаю... какое-то противное чувство. Как будто внутри всё сжимается. И злость, что недостаточно могу ей помочь.

— Но ты ведь помог, правильно?

— Пожалуй, да.

— А что это за девушка? Она тебе нравится?

— Ха-ха, нет, — усмехнулся я, — ну то есть, конечно, нравится, она же наш друг. Это Фэйт, подруга моей бывшей. Я вроде упоминал о ней пару раз.

— А они до сих пор общаются? — спросил он с вкрадчивой осторожностью.

— Вроде да, — я пожал плечами, — но мне как-то наплевать. Фэйт своя чувиха, мы её любим. А общается она пусть с кем хочет, даже если это мразотная Руфь.

— Окей, я понял, — рассмеялся доктор, — как же ты её «любишь»-то. Когда уже расскажешь, чем она тебе так не угодила?

— Да чего рассказывать-то? Потрахались пару месяцев с претензией на чувства, а потом внезапно выяснилось, что «чувства» у неё вспыхнули к ещё одному мужику. Ещё и старику какому-то, лет за сорок ему было, если не ошибаюсь. В общем, «История одной потаскухи», трагедия в трёх актах.

— Ну хорошо, действительно, недостойный поступок. Она была твоей единственной девушкой?

— Пфф, нет, конечно. Всего лишь противное тёмное пятно на полотне моей жизни, — намеренно пафосно продекламировал я.

— А какими были другие?

— Была Линда, очень добрая и милая. У неё были длинные волосы, мне очень нравилось. Пару лет назад вроде познакомились. Увидел её в коридоре в школе и как дурак влюбился.

— А что случилось?

— Не помню точно... Вроде отношения перегорели, — я пытался воскрешать в своей голове воспоминания, но сейчас они казались очень размытыми.

— А кто ещё?

— Боже, док, что за небывалый интерес к моей личной жизни?

— Отношения важны для каждого человека. Разве для тебя не были?

— Были, пожалуй, — нахмурился я, пытаюсь вспомнить ещё что-то, — ещё была Дженни. У неё был прикольный джинсовый комбинезон, и она натирала запястья апельсиновым маслом.

— Как вы проводили время?

— Ой, можно я не буду рассказывать в подробностях? Знаете ли, «непечатная информация», — после этих слов я так по-тупому усмехнулся, что сам себе показался недалёким озабоченным школьником, — мне она нравилась. У неё была богическая фигура. Да и на самом деле мы постоянно влипали в какие-то безумные авантюры, с ней никогда не бывало скучно.

— Это здорово, — улыбнулся док, — а с ней что произошло?

— Чёрт, — задумался я, — почему-то я помню некоторые моменты, а вот расставаний совсем не помню. Да и вообще это всё как будто происходило миллион лет назад. Наверное характерами не сошлись.

— Понял тебя. Ну а с Руфью вы как познакомились? И как время проводили?

— Эээ... сложно сказать. Видимо, мозг бережёт меня от этих воспоминаний. Познакомились наверняка на тусовке какой-то, в трезвом уме я бы на такую ни за что не повёлся. Она ж ебанутая до мозга костей. А время проводили... ну наверное как все парочки. Не знаю. У меня как будто чёрная дыра в голове появляется, когда я пытаюсь о ней вспоминать. Да зачем это всё вообще?

— Ну помнишь, ты спрашивал, не веду ли я записи, чтобы передать твоё досье правительству? — усмехнулся Андерс, снова записывая что-то в свой блокнот, — вот они и интересуются, а то своя жизнь у них слишком скучная.

— Ну и шуточки у вас, док. Но на сотню в час не потянут.

— Каждый зарабатывает, как может. Когда уйду из психотерапии в стэнд-ап, тогда посмотрим, как ты заговоришь. Ладно, Кевин, у нас осталось ещё время, и у меня есть пара упражнений для тебя, если ты, конечно, не хочешь что-то ещё обсудить.

— Окей, давайте, — отрезал я, но, немного помешкав, добавил, — а вообще знаете, есть кое-что...

— Я тебя внимательно слушаю, — он откинулся в кресле, подогнув под себя полы белого халата. На кой чёрт вообще психотерапевту халат? Я одёрнул себя и постарался сформулировать мысли так, чтобы не сойти за сумасшедшего (интересная затея для кабинета психотерапевта).

— В общем, когда я в прошлый раз шёл домой с консультации, меня... сбила машина.

Домой я вернулся с относительно лёгким сердцем. Обсудить ситуацию с доктором Андерсом действительно оказалось полезным, и я уже не чувствовал себя таким психопатом, хоть он ничего внятного на этот счёт и не сказал. Но обычно, если я

совсем гоню бесов, он что-то меняет в назначенных лекарствах, это я уже заметил. Видимо, сейчас всё в пределах нормы, а может, он и сам удивлён этими мистическими событиями. Я ведь уверен, что это было на самом деле. Я уже два раза переживал собственную смерть. Я видел, чувствовал её каждой клеточкой своего тела. Как это вообще возможно? И как так выходит, что я каждый раз просыпаюсь целым и невредимым?

Впрочем, это всё ненужные мысли. Был у меня знакомый один — музыкант. Каждый раз, когда с ним кто-то пытался поговорить на духовные темы, он отмахивался и говорил, что «думы думать» вредно и никому ещё лучше не делало. Поэтому вставал в пять утра, отжимался, читал русскую классику и играл на кларнете до позднего вечера. «Пусть кто-то другой думает», — говорил он и, знаете, наверное был в чём-то прав. Во всяком случае, в кресле у психотерапевта я его ни разу не встречал.

Тем временем за окном стемнело, и я, достав из рюкзака немного наличности и побитый мобильник, засовываю их в карман джинс и направляюсь в сторону остановки. Прислонившись лбом к стеклу в автобусе, я погрузился в себя. Интересно, на кой чёрт доку понадобилось выпытывать информацию о моих бывших? В последнее время я не то, что о каких-то чувствах не могу думать, даже не могу заставить себя с кем-то потрахаться. В прошлом я такого не помню — всегда казалось, что полюбить кого-то — это нереально важно. Идёшь на вечеринку с куда большей охотой, если там есть кто-то, на кого ты положил глаз. Все вокруг думают о том, с кем бы переспать, а ты — либо о том же самом, либо как помочь другу кого-нибудь склеить. Культ отношений, как он есть. Никто ничем не увлекается для себя, а жизнь — какой-то бесконечный брачный период. А сейчас я будто забыл о том, что вообще мог что-то чувствовать. Варюсь в бездонном котле самоуничтожения и бухла. Где тот наивный влюбчивый парень?

Я выхожу из автобуса на промёрзшую вечернюю улицу и направляюсь в сторону клуба. Там уже ждут Кайл, Фэйт, Грубый и ещё парочка общих знакомых, которые так часто меняются, что я уже перестал запоминать их имена. Мы проходим мимо охраны и, миновав зал с городскими реднеками, отплясывающими под зазорное говнище, штампуемое современными диджеями, спускаемся в подвал. Пройдя через узкий коридор, наконец попадаем в не слишком просторный зал, освещённый розовыми и зелёными неоновыми лампами. Из колонок звучит хорошее техно, и это уже куда более щадящая музыка для моих избалованных настоящими рокерами ушей. Хотя я всё равно чувствую себя не на своём месте. Не представляю, чем люди занимаются в клубах, поэтому почти весь вечер отсиживаюсь на диване за столиком и пью отвратительное дешёвое пиво. Ребята частично затерялись в толпе, Кайл танцует с невероятно привлекательной латинской девчонкой, и я периодически рассматриваю их, когда выхожу из состояния задумчивости.

В моей голове неконтролируемо всплывают вопросы доктора Андерса. Почему я не помню, как познакомился с Руфью? Уж этот день я должен был запомнить надолго. Сколько мы были вместе? И чем она вообще меня так зацепила, что я позволил так долго морочить себе голову? Наверное, мне однозначно стоило бы меньше бухать. Я

открыл галерею на телефоне и стал листать фотографии. В последнее время я мало снимаю — всё больше городские пейзажи в стиле «эстетика ебеней». После — сразу идут фотки с выпускного, правда в основном на фронтальную камеру, и нихера на них не разглядишь. Ну а дальше — пустота, как будто бы и у моего телефона провал в памяти. На фоне продолжает играть техно, и я чувствую себя героем какого-то дебильного фильма или клипа. Наконец, я вижу фотографии с весны. Вот мы с ребятами на площади, и почти у каждого максимально дурацкое лицо из-за закатного солнца, впервые пробившегося через зимние тучи. Вот Фэйт с Томом разгоняют голубей, собравшихся в кучку и береговой линии. Вот Руфь сидит на краю парапета, подогнув под себя худые лодыжки в «Мартинсах», пачкающих края чёрного пальто. Дым от её сигареты нереально красиво играл в солнечных лучах, я это отчётливо помню, но на фотках, конечно же, этого не видно. Вечно пытаешься снять что-то красивое, а получается говно в три с половиной мегапикселя. Вот мы на дне рождения Грубого. Домашняя вечеринка, больше напоминающая притон. Руфь делает со мной селфи, в то время как я едва могу связать пару слов. Зрачки у меня там размером с пару Сатурнов. Вот Фэйт и Руфь, одетые, валяются в ванной, наполненной почему-то голубого цвета водой. Грязные подошвы ботинок торчат во все стороны и успешно портят кадр. Вот мы с Руфью идём по улице. Фотка очень шумная, вроде бы переснятая на телефон с «Полароида», которым Кайл уже успел всех порядочно заебать.

— Фотки смотришь? — неожиданно появляется Фэйт, присев рядом и обняв меня за плечо.

— Ага, — потерянно отвечаю я.

— Скучаешь? — как-то особенно грустно спрашивает она, робко взглянув на меня.

— По тем временам? Да, было круто. Помнишь днюху Грубого?

— Конечно, — улыбается она.

Мы ещё пару минут листаем фотографии, пока она вдруг не дёргает меня за рукав.

— Кевин... — негромко произносит она и указывает на Кайла. Кайл тем временем, ведомый за руку той горячей латиночкой, останавливается около парня с модной стрижкой и о чём-то с ним разговаривает. Казалось бы, рядовая ситуация, но я, блять, слишком хорошо знаю Кайла. Да и вычленять дилеров из толпы — первое умение, необходимое для выживания на саут-сайте. Я подрываюсь с дивана и, расталкивая танцующих, подсакиваю к ребятам.

— Кайл, можно тебя на пару слов?

— Секунду, братан, — улыбается он, ища недостающие купюры в кармане джинс.

— Чувак, на пару слов СЕЙЧАС, — многозначительно повторяю я и тяну его за локоть. Его подружка недовольно косится сначала на меня, а потом на парня с модной причёской.

— Чел, он же сказал, что занят, — выпрямляется дилер, будто бы пытаюсь стать больше своего роста.

— Чел, не вмешивайся лучше. Пойдём, Кайл, — повторяю я и продолжаю тянуть его за руку, на что тот грубо вырывается.

— Бля, Кев, да чё с тобой такое? Мы просто отдыхаем, — произносит он, и его взгляд становится особенно холодным. Даже внушительное количество выпитого алкоголя не поможет, если разозлить Кайла, скорее это наоборот усугубит ситуацию.

— Чувак, ты всего пару месяцев как соскочил. Что за хуйня? Ты же знаешь, что после этого будет, — пытаюсь я докричаться до него.

— Иди нахуй, Кев. Мне не тринадцать лет, — резко отвечает он и толкает меня в грудь. Я машинально замахиwaюсь и отвешиваю ему смачный удар в челюсть. Он несколько секунд пребывает в лёгком шоке, а затем набрасывается на меня в ответ. Мне прилетает в нос, и я еле удерживаюсь на ногах. После реабилитации Кайл стал ощутимо больше меня, да и не зря батя постоянно напоминал мне, что не стоит лезть к высоким чёрным парням.

— Эй, ты будешь покупать или нет? — нервно вмешивается дилер, на что я, не сознавая себя, разбиваю ему губу, пытаюсь оттолкнуть в сторону.

— Ах ты ж сука! — вскрикивает он, и вдруг я чувствую резкую боль в боку. Опустив глаза и несколько секунд бездумно рассматривая себя, я наконец замечаю, как моя рубашка становится влажной. Взглянув на Кайла, я вижу его, наконец протрезвевший, но до жути напуганный взгляд. К нам подбегает Фэйт и тут же вскрикивает, а на её глазах выступают слёзы. Я касаюсь рубашки рукой и замечаю, как она краснеет от крови. Чувствую, как дыхание учащается, а в груди будто начинается извержение вулкана.

— Блять! — вскрикиваю я и бросаюсь к выходу. Ребята бегут за мной, в то время как дилер и подружка Кайла моментально растворяются в толпе. Я выскакиваю на улицу, забыв про свою куртку, и почти не чувствую, как ночной мороз обжигает кожу. Мозг пронизывает неконтролируемое чувство страха. Вдох. Выдох. Спокойно, чувак. Спокойно.

— Эй, красавчик, хочешь глинтвейна? — доносится до меня смех двух молоденьких девчонок, стоящих неподалёку от входа. Вдруг они видят, как с моей руки, прижатой к животу, на едва покрытый снегом асфальт падают капли тёмной крови. Одна из них пронзительно взвизгивает и роняет стакан, отчего вокруг мгновенно поднимается аромат вина и апельсинов. Я, не останавливаясь, словно в бреду продолжаю идти куда-то вперёд, как вдруг слышу скрип тормозов. Мне не понадобилось даже оглядываться по сторонам, чтобы понять, что я выскочил на проезжую часть. Меня сбивает серебристая «Тойота», и брызги крови мгновенно разлетаются по её капоту.

Я поднимаю глаза и обнаруживаю себя на полу спортзала. Из колонок всё ещё долбит какое-то дерьмо, которое я уже не в силах распознать. Вокруг по-прежнему дешёвые украшения из супермаркета и жёлто-фиолетовые флаги, провонявшие потом и алкоголем. Я чувствую, что мне невыносимо душно, и, поднявшись на ноги, пытаюсь протиснуться к выходу. В коридоре становится гораздо легче дышать, хоть я и щурюсь от большого света вечно мерцающих от перепадов напряжения школьных ламп. Я прохожу мимо блюющего Генри Уайта и плыву по коридору, словно призрак, лишь едва пошатываясь от пунша, ударившего в голову. Захожу в первую попавшуюся дверь, оказавшуюся кабинетом физики и оглядываю его. Теперь кажется, что в последний раз я был здесь миллион лет назад. На стенах — портреты учёных, имена которых я постоянно забываю, а также шкала длины волн, которую мне тоже

запомнить, видимо, не суждено. Я сажусь на парту и роняю голову в руки, вдыхая запах пустого класса и чистящих средств.

— Неужто всё так заебалось? — доносится до меня отвратительно знакомый голос.

— Ну почему ты меня преследуешь? — взмолился я, — тебя ведь даже не было на выпускном!

— Да расслабься ты, нахрен ты мне не сдался, — непривычно мягко отвечает Руфь и садится на парту напротив. — Я просто развеяться вышла. Скоро пойду обратно — навёрстывать упущенное!

Я поднял на неё глаза, а затем снова опустил лицо на руки, опираясь ими на колени.

— Не стыдно тебе ботинками стулья пачкать? — как-то по-детски пытается она поддеть меня.

— Стыдно, что с тобой связался. А за стулья — не очень, — пробубнил я, не особо заботясь о членораздельности сказанного, — что у тебя с причёской?

В ответ она распускает волосы дав им рассыпаться по бледным плечам.

— Вспомнила, как сильно тебе нравились длинные.

— И решила ещё и таким образом надо мной поиздеваться? Браво.

— Кев, ты в порядке?

Я снова посмотрел на неё, но в этот раз потрудился сделать взгляд таким, чтобы она сама осознала ебанутость своего вопроса.

— Я уже в третий раз переживаю собственную смерть, оказываясь на сраном выпускном, постоянно сталкиваясь со своей сраной шлюхобывшей, а потом снова и снова просыпаясь как ни в чём не бывало! Как думаешь — я в порядке? А? Чё не отвечаешь-то? В порядке я, блять?!

— Ты же знаешь, что это не смерть, — непривычно тихо ответила она.

— Да. Нет. Я не знаю. Сука. Впрочем, даже если я и не умираю на самом деле от этих тачек, то в этот раз наверняка откинусь от ножевого.

— Ножевого? — её глаза наполнились таким искренним беспокойством, что я почти поверил, что у неё есть чувства.

— Тебе-то что? Ты только об этом и мечтала. Вот, получите-распишитесь, — сказал я и схватился за как по заказу отдавшийся дикой болью бок.

Руфь прыгнула с парты и подошла ко мне. Она медленно поднесла руку к моей рубашке и немного робким, но до идеала отточенным движением, приподняла её край, обнажив окровавленные бинты, обмотанные вокруг моей талии. Я сохранил равнодушно-отвращённую гримасу, но отчётливо почувствовал, как сердце забилося в несколько раз чаще, будто пропустив пару ударов. Её прикосновение словно пронзило меня электрическим разрядом, и я тут же потерял способность двигаться, мыслить и членораздельно разговаривать.

— Кев, зачем ты так... — прошептала она.

— Не притворяйся, что тебе не похуй, — отмахнулся я, собрав волю в кулак.

— Мне не похуй, — она с серьёзным лицом заглянула мне в глаза.

— Может, тебе было не похуй, когда ты трахалась с другим чуваком? Или когда не пришла на выпускной, хотя обещала? Или когда твой брат заносил мне мои сраные вещи, потому что ты зассала сделать это сама? Тогда тебе тоже было не похуй?

Я почувствовал, что к горлу подступает отвратительный ком, и дышать снова становится тяжело. Но я старался не отрывать взгляда от лица Руфи и наблюдал в

нём небывалые метаморфозы. Её губы подрагивали, а голубые глаза покраснели и наполнились слезами. Она стояла передо мной, длинноволосая, растрёпанная и почти плачущая, и внутри меня будто что-то умирало каждую чёртову секунду. Я был убеждён, что никогда не видел её такой, и одновременно — что сейчас передо мной стояла она, более настоящая, чем когда-либо. Вдруг я почувствовал, как её черты начинают двоиться и расплываться перед моими глазами.

— Кевин, — сдавленно прошептала она, — ты должен вспомнить...

Темнота.

Глава 4

Я очнулся на больничной койке. Впрочем, ничего удивительного — в боку до сих пор будто бы торчал нож. Хотя, судя по всему, в меня закинули внушительную порцию колёс, потому что все ощущения были какими-то приглушёнными и тупыми. Тошнило похлеще, чем от бутылки водки, выпитой в одно рыло в порыве отчаянья. Я ожидал увидеть в палате друзей, рыдающих у моей кровати и, как в фильмах, ожидающих моего чудесного пробуждения, но рядом никого не оказалось — лишь за шторкой справа от меня то и дело хрипело незнакомое человеческое существо неопределённого пола и возраста. Не знаю, сколько я так пролежал, пялясь в потолок, но сил подняться у меня не было, а значит, и вариантов времяпрепровождения оставалось немного. Наконец в дверях показались Фэйт и Кайл в сопровождении совсем ещё молодого врача. Фэйт радостно заулыбалась и подбежала к моей кровати, увидев, что я очнулся.

— Что это за больница? — первым делом спросил я её.

— Центральная. Как ты? — взволнованно прошептала она, взяв меня за руку.

— Блять, — выдавил я из себя, — моя страховка этого никогда не покроет.

— Кев, ты жив, это самое главное!

К кровати подошёл и Кайл, уперевшись руками в её спинку у моих ног и глядя на меня растерянно-виноватым взглядом.

— Я обоссался, — он сдавленно начал разговор дрожащим голосом, — я нереально обоссался в этот раз.

— Пожалуй, — пожал я плечами.

— Чувак, я не буду просить у тебя прощения. Знаю, что бессмысленно. Но этого не повторится, я клянусь.

Я улыбнулся улыбкой пастора, кивнув Кайлу, тем самым заставив его поверить в то, что я прощаю его. Да что уж там — я на него не злился, но и в его дерьмо, конечно же, не верил. В этот раз я был рядом, но в следующий — меня может там и не быть. Он ещё не раз сорвётся, вопрос только в том, когда это произойдёт. Но знаете, есть такие вещи, которых людям, не употреблявшим наркотики, наверное, не узнать никогда. Например, что такое, когда от тебя отворачиваются все, даже самые близкие. Дружить с наркоманом — это адский непосильный труд. Ты всегда должен быть готов к тому,

что твой друг в один прекрасный день просто исчезнет, оставив вместо себя лишь проекцию, которая едва ли вспомнит твоё имя. И ты всегда должен быть готов к тому, что тебя променяют на дозу. Это не вопрос личного отношения, не вопрос недостатка любви, да это вообще не вопрос. Это утверждение. Однажды став наркоманом, ты навсегда им останешься, просто разные люди по-разному воплощают эту зависимость. Недавно видел в новостях историю о том, как некий Тони Синс захлебнулся в собственной блевотине, передознувшись и накануне подстрелив какого-то парня. У меня сердце в пятки ушло, когда я разглядывал замыленную фотку, на которой каштановые волосы в последний раз разметались по плечам, одетым в грубую кожанку. Но жизнь любит играть злые шутки. Это не был мой школьный друг Тони, лишь до смешного похожий на него чувак. Как же смешно. Всем смеяться.

Я разваливаюсь на кровати и закуриваю косяк, пока из хренового динамика моего старого ноута доносится Джонни Кэш.

*...I hurt myself today,
To see if I still feel...*

Фэйт сидит на полу и рисует в скетчбуке, оперевшись спиной на Тома, прикрывшего глаза и размышляющего о чём-то. Они удивительно гармонично смотрятся вместе, как Сон и Смерть — болезненными братом и сестрой, душами, вышедшими из одного адского котла. Пожалуй, из нас эти двое прошли больше всех дерьма вместе. Их дружба началась задолго до появления нашей компании в том виде, в котором она существует: после смерти мамы Фэйт была предоставлена сама себе, а потому безнаказанно слонялась по улицам и периодически связывалась со всякими мутными типами. Том со своими детдомовскими друзьями не был исключением, только вот, в отличие от других криминальных кадров, он подарил Фэйт не неприятности, а искреннюю и безвозмездную дружбу, а также защиту от всех остальных мудаков. Впрочем, все беды ждали впереди: спустя пару лет он вступил в банду, а ещё чуть позже подсел на крэк, но Фэйт всегда оставалась на его стороне. Несколько раз Том пытался исчезнуть со всех радаров, потому что слишком чётко осознавал, какую опасность он представляет для её жизни, но Фэйт всегда имела магическую способность достать его из-под земли. Том делал её жизнь мрачнее, сложнее и сюрреалистичнее, но он был её единственным близким человеком с самого детства, и никому не было настолько не похуй на неё, вплоть до её собственного отца. Хотя тот вообще не в счёт, этому уёбку было не насрать только на бухло и мет, который он толкал всяким стрёмным чувакам. Поэтому Фэйт была готова держаться за Тома когтями и зубами и цепляться за эту дружбу до последней капли крови. Помню, Дэнни из средней школы как-то увидел их вместе и решил поддѣбать на тему того, что между ними что-то есть. Кажется, в формулировке типа: «Фэйт ебѣтся с героинщиком, вот это номер». Не знаю, что её больше разозлило: неправильная трактовка их отношений, слово «героинщик», не имевшее к Тому никакого отношения или тон во фразе «вот это

номер»... Но чуваку понадобилось несколько дней в больнице, чтобы вправить его несчастный нос.

— Чего рисуешь? — Том поворачивает голову и заглядывает в скетчбук поверх её плеча, — опять втрескалась в кого-то?

— Заткнись, — смеётся она и показывает ему рисунок, — даже если и так... заткнись!

— О, кудрявая в этот раз. Прямо как ты любишь, — улыбается Том и получает лёгкий толчок кулаком в плечо.

Грубый с Кайлом и ещё двумя типами сидят на полу в середине комнаты и обсуждают какую-то валютную хренотень.

— Этот пузырь точно лопнет. Надо быть дебилом, чтобы инвестировать на этом этапе, — с умным видом говорит Грубый.

— Подписался на очередной канал для мамкиных бизнесменов? — флегматично спрашиваю я.

— Я серьёзно, чуваки. Я бы точно не стал.

— Да тебе и нечего, — подхватывает Кайл, — были бы мы все такими дохуя богатыми, чтобы куда-то инвестировать, мы бы не сидели на хате Кева в Вудлоуне и не бухали бы палёный вискарь из ларька за углом.

— Если что, дверь там — иронично замечаю я и делаю очередную затяжку.

*...I wear this crown of thorns
Upon my liars chair...*

Мне нравится смотреть на людей. Не участвовать в разговорах, а раскладывать окружающих на составляющие. Как они говорят, смотрят, жестикулируют. Придумывать тысячи остроумных ответов в своей голове и никогда не произнести их. Пытаться угадать их мысли.

Напротив Кайла скрестив ноги сидит Алекс. Молчаливый широкоплечий чувак, годящийся нам в рано повзрослевшие отцы. Он навсегда останется для меня загадкой — я даже не помню, как он появился. Просто стал зависать с нами, и всё. Приходит раньше всех и уходит позже. Бегаёт по утрам и живёт одному богу известно где. Собак любит. А чем живёт, и что у него вообще происходит, что ему в кайф тусоваться с маргинальными малолетками — тайна, покрытая мраком. Он даже не бухает толком, только курит иногда. Вот и сейчас — затаится разок и дальше созерцает происходящее. Так-то хер его знает, что у него на уме, но личностью он мне кажется исключительно положительной. В отличие от того же Рикки, который сидит рядом с ним и накидывается бухлом за чужой счёт по мере опустошения стакана. В принципе я понимаю, почему Кайл его притащил — два сапога пара. Только если Кайл разрушает исключительно свою жизнь, то этот может словить белочку и заёбывать окружающих ещё сильнее, чем в трезвом состоянии. С другой стороны сейчас мы образовываем некое подобие общества: сидим, разговариваем, никого не убиваем и не упарываем хмурым в подворотне. Уже неплохо, неправда ли?

...What have I become, my sweetest friend?

Everyone I know goes away in the end...

— Ну как ты? — подсаживается ко мне Фэйт, закончив рисовать.

— Сегодня опять кучу бабла отдал за медицинские счета, — тоскливо усмехаюсь я, — но нам-бомжам не привыкать. А в целом вроде в норме. А ты как?

— Да ничего не меняется особо. Много работы, — улыбается она, — как-то в последнее время даже поговорить не с кем.

— Ну со мной вот говоришь. Чем я тебе не угодил, стерва?

— Худоват и отчаян, — смеётся она, — как твой врач?

— Так а что с ним станется? Не помер, вроде бы.

— Я имею ввиду — твоя психотерапия... Помогает?

— Хрен его разберёт. Ну приступов поменьше стало, это да. Хотя знаешь, я иногда такие стрёмные приходы ловлю...

— О чём болтаете, голубки? — встречается Кайл, бесцеремонно подползая к нам по полу и упираясь локтями в край кровати.

— Да знаете... — почему-то сейчас мне уже настолько на всё насрать, что я наконец-то решаюсь поделиться, — состояние в последнее время странное. Как будто я отупел или типа того. Кажется, что часть мозга просто вытащили и спиздили. Многих вещей не помню, и постоянно такое ощущение, что я что-то упускаю. Будто бы целый пласт событий из моей памяти взял и испарился.

Фэйт с Кайлом переглянулись и будто бы нахмурились.

— Вы чего, ребята? — усмехаюсь я, — ебанутости моей испугались?

— Нет, — с удивительной серьёзностью отвечает Кайл, — а ты понимаешь, чего именно не помнишь?

— Чувак, ты же понимаешь, что значит «не помнить»? Это значит... ну... НЕ ПОМНИТЬ. Не тупи, — я шумно выдохнул дым посмотрел вверх, разглядывая тёмную трещину на потолке.

— Блин, я не могу так больше! — вдруг резко вскакивает Фэйт, отчего все присутствующие оборачиваются на неё.

— Фэйт! — шипит на неё Кайл, пытаясь ухватить её за запястье.

— Что за херня? — спрашиваю я, приподнявшись на локтях.

— Кев, да очнись ты уже! — на повышенных тонах произносит Фэйт, — хватит отрицать очевидное!

— Фэйт, блять, да что с тобой не так? — Кайл дёргает её за руку, но она вырывается и продолжает.

— Какого хера я должна молчать? — говорит она сквозь зубы, глядя на Кайла, — как будто мне недостаточно тяжело! Или тебе! Да блять, нам всем тяжело! Но это не повод делать вид, будто её вообще не существовало!

В этот момент Кайл вскакивает и отвешивает ей звонкую пощёчину. Я подрываюсь и бросаюсь к нему, но он отталкивает меня так, что я падаю на кровать, и швы в боку отдаются резкой болью. Том тоже подрывается, сменив расслабленную улыбку на напряжённую гневную гримасу, но, сделав шаг в сторону Кайла, будто бы одёргивает себя и, остановившись, начинает растерянно переводить взгляд то на Фэйт, то на меня.

— Не смей, слышишь? — с ледяным выражением лица говорит Кайл и, грубо схватив ошарашенную подругу за предплечье, тащит её к выходу, — простите, ребята. Нам правда пора.

*...And you could have it all,
My empire of dirt...*

После того, как дверь за ними захлопывается, мы с оставшимися ребятами ещё несколько минут сидим в молчаливом охуевании, периодически переглядываясь.

— Кто-нибудь понял, что это было? — наконец хрипло спрашиваю я.

Грубый было хотел что-то сказать, но тряхнул головой, будто освободив её от лишних мыслей, и тихо ответил:

— Да кто их разберёт. Может, какие-то личные тёрки?

Весна — пора ебануток. Хотя в Вудлоуне каждый день — карнавал пиздеца, но всё-таки весеннее время на этом карнавале гордо выступает в начале шествия. Не знаю, может, меня просто в детстве прокляла болотная ведьма, завещав, что каждую весну в моей жизни будет твориться какая-то дичь, а жизнь будет рассыпаться как карточный домик.

Мы с ребятами медленно бредём по парковке, пиная подвернувшуюся под ноги банку от содовой. Мартовский воздух всё ещё холодный, но сквозь него уже пробиваются солнечные лучи и характерный весенний запах, что заставляет меня поверить, что мы не совсем ещё катимся в Ад. Мы останавливаемся у заднего входа в супермаркет, и Фэйт протягивает каждому по сигарете из помятой пачки. Дым расплзается в уже становящихся розоватыми от закатного света лучах. Я курю одну сигарету, вскоре беру вторую, и когда подпаленный фильтр уже начинает обжигать пальцы, нервно смотрю на часы.

— Странно, — хмурится Кайл, — разве у него не должен быть короткий день?

— Сегодня среда, — Фэйт задумчиво клацает по экрану телефона, чтобы убедиться в сказанном, — он всегда заканчивает в четыре по средам. Пойду посмотрю.

Она скрывается в дверях супермаркета и через несколько минут выходит ни с чем.

— Кэрри сказала, что Тома не было на работе сегодня, — она пытается сохранять рациональное спокойствие, но я слышу, как её голос дрожит.

Мы идём вперёд по грязным улицам и ведём бессодержательную беседу. У нас в компании есть хорошая привычка — не делать никаких выводов, пока не убедишься в основаниях для них. Другие бы могли подумать что угодно, особенно учитывая те варианты неприятностей, в которые мог бы вляпаться Том, но если бы мы делали это каждый раз, когда случаются какие-то странные обстоятельства, то у нас уже не осталось бы нервных клеток. Поэтому мы уверенным шагом направляемся в сторону его дома, чтобы всё разузнать. Правда я бы соврал, если бы сказал, что не волнуюсь.

У меня в животе будто бушует песчаная буря — настолько я на измене. Знаете, если бы речь шла о простом малолетнем распиздяе с большой и искренней любовью к крэку, то прогнозы были бы весьма однозначными — чувак либо объебался так, что не нашёл в себе сил дотащить себя до работы, либо и вовсе передознулся к чертям собачьим. Но речь идёт о Томе. О человеке, которого мы ни разу не видели обдолбанным. О человеке, который ни дня в своей жизни не прогулял даже самую дерьмовую из всех своих работ (а его подработки по уровню хуёвости не могли бы соперничать даже с вакансиями для нелегалов). Поэтому я действительно не знал, что такого должно произойти, чтобы Томас Найк так проебался.

Кайл настойчиво стучит в дверь и нетерпеливо переминается с ноги на ногу. Дом, где Том снимает комнату (а точнее угол в подвале), стоит чуть поодаль от других домов квартала. Он наспех обит когда-то белым металлическим шифером, сейчас пожелтевшими и подёрнутыми ржавчиной, некоторые окна заколочены, а входная дверь из уродски окрашенного дерева совсем не внушает доверия. Та ещё дыра, однако, иметь свой собственный угол даже в таких условиях — это круто, особенно после жизни в сиротском приюте. Кайл снова барабанит по двери, но ответа не последовало и во второй раз. Мы обходим дом и пытаемся заглянуть в пару подвальных окошек у самой земли, но они все завешены чем-то с другой стороны. — Том! — кричу я, стуча носком кроссовка по стеклу, но в ответ не следует никакой реакции.

— погоди, — говорит Фэйт, присаживаясь на корточки перед одним из окон и просовывая карманный нож в щель под рамой, — о! Знала, что однажды мне это пригодится, — нервно улыбается она и открывает отозвавшуюся щелчком раму. Мы присаживаемся на корточки рядом с ней и вглядываемся в темноту узкого оконного проёма. Изнутри пахнет пылью, палёным, чипсами и застоявшимся воздухом. Фэйт бесцеремонно ложится на ещё не оттаявшую от снега землю и просовывает ноги в окно. Мы помогаем ей протиснуться полностью, и, спрыгнув, она наконец оказывается в комнате Тома.

— Том! Это я! — напугано произносит она, но реакции по-прежнему нет, — ребята, его тут нет походу, — бросает она в нашу сторону.

Вскоре она отпирает парадную дверь изнутри и мы проникаем внутрь. В подвале, где спит Том, совсем темно из-за заклеенных старыми журналами окон. Постель беспокойно смята, а на столике у кровати стоит гора невымытых тарелок. В целом комната выглядит пиздецки грязно и неопрятно, но раньше она не сильно отличалась, и поэтому я могу поклясться, что ещё сегодня ночью Том был тут и вёл своё привычное существование. Наконец, Фэйт окликает нас с первого этажа.

Том нашёлся в гостевой ванной, задремавшим с потухшей сигаретой и деревянной бейсбольной битой в руках. Выглядел он архи-дерьмово: опухшее от недосыпа лицо, тёмные круги под глазами и здоровенная ссадина с синяком на разбитой скуле.

— Чувак, чё случилось? — подсказываю к нему я, помогая ему выбраться из ванной и встать ногами на пол. Он пошатывается и смотрит на нас ошалелым взглядом, отчего я перевожу вопросительный взгляд на Фэйт, но она лишь мотает головой в ответ, кивнув на руки Тома. Я вижу, как его пальцы неконтролируемо трясутся и, хоть меня это и не убеждает, я верю Фэйт. Если бы он был обдолбанным сейчас, она бы уже

сказала нам об этом. Я заглядываю в его глаза и вижу до смерти перепуганного, но вполне адекватного человека с нормальным размером зрачков.

— Том, чё блять происходит? — повторяет мой вопрос Кайл.

Мы сидим на наспех застеленной кровати Тома, пока он суетливо снуёт по комнате, пытаюсь начать говорить. В очередной раз он набирает воздух в лёгкие, но ему удаётся выдавить из себя только: «Блять», после чего он сползает вниз по стене, обхватив голову руками. Фэйт садится рядом с ним на колени и потерянно хватается его за руку, но Том может лишь тяжело дышать и всхлипывать. Эта картина заставляет всё внутри меня похолодеть — я никогда не видел его таким.

— Я хотел уйти, — наконец начинает он после нескольких глубоких вдохов, — уйти из банды.

— Сука, — шумно выдыхает Кайл и тянется за сигаретой. Фэйт крепко зажмуривает глаза, а я просто смотрю на Тома, продолжая охуевать от происходящего.

— Я пытался договориться, но они подумали, что это шутка. Когда они поверили, то пиздец как разозлились. Я думал, они меня убьют прямо там... — продолжает он, потирая разбитую скулу.

— Что они сказали? — тихо спрашиваю я.

— Сказали, что дают мне время передумать. До сегодняшнего вечера. Я... я не знаю, что я должен делать...

— Чел, нахера ты это вообще затеял? — взмолился Кайл, — ты же знаешь, как это работает. Из банды не уходят... если только на небеса, — сказал он, слегка поморщившись.

— И что я, по-твоему, до смерти должен заниматься этой хуйнёй? Я не могу больше. Это... это дерьмо меня разрушает. Я не хочу больше продавать. Не хочу... делать всего этого. Я не такой!

— Ты всегда был таким, — затаился Кайл, — если бы не это дерьмо, ты бы не выжил на улице, разве не так?

— Бля, Кайл, да как ты можешь такое говорить? — вскрикнула Фэйт, — по-твоему это нормально?

— Это полная хуйня, — вмешался я, — но Кайл прав. Если бы эти отбросы не взяли Тома под крыло, кто знает, сколько бы он протянул. Ты знаешь, что такое расти на улице.

— И что, он действительно должен был до конца жизни катиться на дно? Рисковать собой каждый хренов день?

— У нас не всегда есть выбор, — нахмурился Кайл, — во всяком случае не всегда нужно делать его прямо сейчас. Чувак, почему ты не посоветовался с нами? Не рассмотрел варианты?

— Это мои проблемы, а не ваши, — угрюмо ответил Том, — и сейчас я бы предпочёл, чтобы вы свалили как можно быстрее.

Как же это похоже на Тома! Ублюдок до последнего будет вытеснять из своей жизни даже самых близких людей, лишь бы не подвергать их опасности, не втягивать их в мрачный мир, который он сам же и создал.

— А не пойти бы тебе нахуй? — процедила Фэйт и уселась рядом с ним на пол.

— Я не шучу, — Том вскочил на ноги и грубо потянул её за руку, заставив встать, а затем толкнул в сторону двери.

— Эй, чувак, полегче, — ответил я, сделав шаг в их сторону.

— Я серьёзно, выметайтесь нахуй, пока я не заставил вас это сделать!

— Нет, Том, — Кайл тоже поднялся на ноги и скрестил руки на груди, — ты влип в большое дерьмо, и разгребать его просто придётся.

— Мне, а не вам, это...

— Это твои проблемы, мы знаем, — ответила Фэйт, — но хватит принимать решения за нас.

— Я сказал вам убираться! — резко вскрикнул Том, засадив бейсбольной битой по старой настольной лампе, стоявшей на столе. Та с громким звоном раскололась, рассыпав осколки по грязному ковровину, — это последнее предупреждение! — он поднял биту в угрожающем замахе и, хоть внутри каждого из нас рефлексивно что-то замерло, мы его не боялись. Слишком хорошо мы знаем Тома. Слишком отчётливо видно, как дрожат уголки его рта, как в глазах стоят слёзы, как трясутся руки. Может, в рамках банды он и способен в одиночку отхуярить обнаглевшего должника, но рядом с нами он бессилен. Всё, что у нас есть, слишком дорого для него, и поэтому сквозь пыльный воздух можно почти физически ощутить, как он напуган и потерян. То самое чувство, когда ты, стоя ещё ребёнком в песочнице, угрожаешь старшим ребятам, что если они не отдадут твой совок, то им не поздоровится. Но вот они ухмыляются своими беззубыми ртами и говорят: «Валяй!», а ты даже не знаешь, что нужно делать, чтобы им не поздоровилось.

Наш диалог внезапно прервался грохотом с первого этажа. Оттуда слышались тяжёлые шаги, и я только и успел, что потянуть Кайла за воротник рубашки, запрыгнув на кровать и вжавшись в стену за шкафом. Нам удалось занять место, которое было слепой зоной для людей, стоящих в дверях, но с которого было прекрасно видно замеревшую Фэйт и Тома, вцепившегося в рукоятку биты побледневшими пальцами.

— О, здорово, Томас, — слышался из дверного проёма скрипучий голос, — прошу прощения, что испортили тебе свидание, не знал, что ты не один.

— Я... чего вам, Зи? — он старался говорить как можно более спокойно, но напряжение в его голосе было нелегко скрыть.

— Мы вас отвлечём ненадолго, — сказал невидимый для нас Зи и сделал шаг в комнату, — просто зашли услышать, что ты передумал.

— Он не передумал, — резко вмешалась Фэйт, — и я думаю, что вам нужно собрать в себе остатки человечности и вспомнить, как дохера Том для вас сделал. И отъебаться.

— О, так я её знаю, — слышался ещё один голос из-за спины Зи. Он определённо принадлежал здоровенному чуваку, я готов был поклясться. От этого у меня слегка перехватило дыхание, и я нервно сглотнул, — это его подружка, дочурка того чувака с метом.

— Ооо, и правда, — подхватил Зи, — так это, значит, была твоя идея, красотка?

— Это была моя идея, — не дал ей ответить Том, — я просто хочу начать нормально жить, чуваки. Я уверен, что мы можем решить это мирно.

— То есть наша жизнь, значит, не нормальная? — скептически переспросил Зи.

— Зи, ты знаешь, о чём я говорю. Просто блять отпустите меня, я выполню все договорённости. Вы же знаете, что я надёжный, почему вы не можете просто мне поверить?

— Сегодня надёжный, завтра нет, — задумчиво протянул второй бугай и тоже сделал шаг в комнату, после чего Том моментально оттеснил Фэйт назад, прикрыв её своим телом, — даже если мы тебя отпустим, откуда ты знаешь, что тебя никто не подстрелит завтра? Ну так, чисто по случайности. Райончик-то криминальный...

— Парни, я вас прошу, — не теряя достоинства проговорил Том, — я же не чужой человек для вас.

— Поэтому мы и не хотим тебя отпускать, — наигранно ласково проговорил Зи, двигаясь к Тому так, что я уже мог видеть его спину из-за угла. Это был невысокий но накачанный чёрный пацан примерно нашего возраста. Его волосы были заплетены в афро-косички, уложенные назад, а одет он был в красную спортивную футболку с номером 8 на спине, — мы тебя слиииишком любим, — едко проворковал он.

Я заметил его руку, что-то сжимающую в кармане спортивных штанов, и осторожно кивнул Кайлу. Тот скорчил обречённую гримасу и, по-возможности тихо, полез в свой задний карман, где хранился охуенный швейцарский нож, ещё несколько лет назад подаренный его отцом. У меня внутри что-то оборвалось. Не сказать, что я много дрался в жизни, и не сказать, что хорошо умел это делать. А когда дело доходило до оружия, то во мне просто начинал извергаться вулкан. Как минимум, я дико боялся. Боялся сесть за убийство, боялся получить ещё одно ножевое, боялся за своих близких. Да я после прошлого раза ещё не оправился, а теперь стою за спиной у двух бандитов, не представляя, что с ними делать. Правда, судя по решительно сжатым челюстям Кайла, он прекрасно представлял. И это меня ещё сильнее пугало.

— Я сделал свой выбор, — процедил Том, сделав шаг назад и всё ещё прикрывая Фэйт своей спиной, — и вам придётся его принять. Я надеюсь на ваш разум.

— Что ж, в таком случае ты очень плохо подумал, — прошипел Зи и, вытащив нож из кармана, бросился к Тому. Кайл среагировал молниеносно и рванулся вперёд, бросившись ему на спину. Из-за шкафа тут же вылетел дружок Зи — как я и предполагал, высокий плечистый бугай с тупейшим лицом типичного реднека. Я успел воспользоваться элементом неожиданности и ударить его в живот. Всё происходило так быстро, что я ничего не успел понять...

Фэйт приложила пакет со льдом к разбитому носу и подняла на меня глаза. Несмотря на опухшее лицо, её глаза выглядели на удивление счастливыми.

— Чему ты радуешься? — спросил я её усмехнувшись.

— Что мы его нашли, — отвечает она.

— Совру, если скажу, что я вам рад, уёбки, — подавляя улыбку отвечает Том, помогая Кайлу перебинтовывать порезанное предплечье. Кайл морщится от боли, но тоже не может сдержать улыбки.

С теми чуваками из банды мы кое-как разобрались, хоть в это и сложно поверить. Во всяком случае, после того случая они съебались и не появлялись ни на следующий день, ни через неделю. Тем не менее, чувство облегчения с каждым днём всё сильнее сменялось тревогой, особенно это было заметно у Тома. Он становился всё более дёрганным и, судя по его хреновому внешнему виду, успокоение он находил в своём старом добром друге, потрескивающем в закопчённой стеклянной трубке. Мы все в глубине души знали, что с равной вероятностью эти ублюдки могли переосмыслить своё отношение к Тому и сделать ему поблажку, убедившись в серьёзности его намерений, а могли... могли просто выжидать. Мы это понимали, и Том это понимал. Но нам оставалось только наблюдать. Это как ожидать своего приговора который, возможно, и вовсе никогда не вынесут. Я делал всё, что мог, и надеялся, что Том сможет с этим справиться. Тогда это казалось самой большой и страшной проблемой, поэтому я даже благодарил судьбу за то, что мы можем хоть недолго пожить спокойно.

Но в какой момент всё остальное также полетело в пропасть. Не помню, когда именно, но где-то в начале апреля, наверное. Сначала раздался звонок о том, что отца Фэйт всё-таки загребли в тюрьму. Помню, когда мы пришли, она сидела на пыльном ободранном диване в гостиной перед полупустым стаканом пива. Мы знали, что ей не было больно — её отец был редкостным мудаком. Более того, она теперь могла вздохнуть спокойно — никаких больше левых барыг и покупателей, трущихся около их дома, никаких рейдов, упоротых драк и запаха мета, которым провоняли все комнаты, кажется, ещё до её рождения. Единственной проблемой оставалась плата за дом. Но зная Фэйт, я был уверен, что она решит всё, да ещё и наилучшим способом из возможных.

К сожалению, со своими прогнозами я нереально проебался. Через три дня Том позвонил мне из больницы, куда доставили нашу подругу. Её руки были исполосованы лезвиями, что заставляло моё сердце разрываться на тысячи частей. Я смотрел, как она лежит в душной палате с перебинтованными предплечьями, и неглубоко дышит, вдыхая кислород из полупрозрачной маски на её лице. Я винил всех: её отца, проебавшего свою жизнь, органы опеки, не уследившие, что она осталась фактически сиротой, того ублюдка из тату-салона за то, что окончательно разрушил её мир, Руфь, за то, что она оставила её, хотя была её лучшей подругой... всех, кто когда-либо причинял ей боль и прокладывал дорогу сюда. И в первую очередь себя самого за то, что не увидел этого. Не почувствовал её боль. Впрочем, выходя из палаты, я цепляю взглядом Томаса, облокотившегося на её постель и беспокойно дремлющего. Он безвылазно просидел там вплоть до того момента, пока Фэйт не выписали и не отпустили домой с условием посещения психиатра раз в неделю. Он реально не выходил из этой палаты практически ни на минуту. Я видел, как его ломает без заветной дозы, помнил про уёбков со стволами, которые могут поджидать его за каждым поворотом... но в то же время я понимал, что ему есть ради чего жить. И что Фэйт, пусть и превратившаяся в то время в безликого призрака с бледными губами, просто не должна пропасть, когда рядом есть он.

В тот момент я вспоминал, как всё было год назад, и не верил, что это происходит с нами. Почему прошлое кажется таким светлым и прекрасным, и почему сейчас всё

вдруг померкло, утягивая нас в пучину отчаяния? Я невольно вспомнил, как Руфь и Фэйт однажды вечером сидели у меня, обдолбавшись марками и так восхитительно искренне смеялись под Nazareth, негромко играющих из колонок. Честно признаться, когда Руфь была с нами, Фэйт казалась куда счастливее. Они понимали друг друга. Да что уж там, Руфь всех понимала, так или иначе, хоть и не умела контролировать свои эмоции и понимать людей настолько, насколько ей хотелось. Пусть я и не помнил прошлую весну, но я помню, что тогда с нами был человек, не дававший нам провалиться в эту пропасть, в эту темноту, конца которой не видно. И когда её с нами не стало, то мы потихоньку начали терять себя. Как же это вообще произошло?

Увы, беда не приходит одна и, видимо, жизнь решила вбить нам эту истину в самую подкорку. Ещё через пару недель Грубого поймали на наркоте. Его отец совершил волшебство, отмазав его от копов, вот только после того случая Грубый появился на публике с охуительным фингалом под глазом, а после этого и вовсе пропал, перестав отвечать на звонки и сообщения. Я иногда проходил мимо его дома, пристально вглядываясь в окно, за которым располагалась его комната. Но ни разу на моей памяти там больше не горел свет.

Кайл здорово сблизился с малознакомым нам Рикки, который постоянно ошивался рядом. Они были как кураторы Анонимных Алкоголиков друг для друга. Только без трезвости и взаимопомощи. Взаимное саморазрушение с элементами какой-то на удивление пидорской привязанности друг к другу. Не то, что мне было не похуй на то, с кем общаются мои друзья, но этот тип раздражал меня до скрежета зубов. Его дебилские свитера в клетку, щенячьи глаза и татуха Guns and Roses на левой руке. Кто вообще набивает татухи с названиями групп? Не знаю, может, я и правда ревновал Кайла, который всё больше времени проводил с этим мутным парнишей и его друзьями с соседнего квартала, а может мне искренне не хотелось, чтобы он связывался с подобного рода ебланами. Впрочем, подозрения мои оправдались, и вскоре Рикки въехал в фонарный столб, сев пьяным за руль отцовской «Хонды». Не знаю, почему это событие так подкосило Кайла, но он в тот же грёбаный вечер сорвался так, что я понял — это в последний раз. Больше не было того Кайла, который прошёл ёбанный Ад реабилитации, три месяца существуя словно в тюрьме. Не было того Кайла, который до последнего держался, стиснув зубы. Это был лишь едва-заметный чёрный призрак со зрачками размером с целые галактики, не помнящий ни себя, ни всего того, что было важным для него.

— Привет, дорогой!

— Привет, мам. Как дела у вас?

— Ремонт делаем. Сейчас вот стену в гостиной перекрашиваем. Я решила купить деревянные рамки для фотографий, будет немного этнический стиль. Папа в гараже что-то мастерит, даже не знаю, что он задумал, — смеётся она, — а ты-то как? Что новенького?

— Да всё по-старому, ма. Работаю, существую, копчу небо. Как сестра?

— Вот вечно ты не рассказываешь ничего! Хорошо она, Барни так вырос, встретишь на улице — не узнаешь! Совсем взрослый стал!

Я затагиваюсь косяком, частично пропуская мимо ушей очередной рассказ про племянника.

— Ма, я спросить хотел.

— Конечно, что такое?

— Когда я к доку начал ходить?

— В конце июня, — моментально выпалила она, изменив тон на куда более серьёзный, — а что?

— Да ничего. Просто вспоминаю всякое.

— Что именно? — конечно, я не видел её сейчас, но мне показалось, что она ощутимо изменилась в лице.

— Я как будто забыл что-то. Из прошлого года. Знаешь, воспоминания такие равномерные, а потом бац! И провал какой-то. Не помнишь, что было в прошлом мае?

— Я... — она на значительное время замолчала, — прости, дорогой. Что-то тоже из головы вылетело. Ты ходишь к доктору Андерсу?

— Хожу, мам. Ладно, спасибо всё равно.

— Да не за что, милый. Если что-то случится, звони, хорошо?

— Конечно, ма.

— Да и просто так звони, а то совсем нас забываешь!

— Обязательно, — говорю я и, положив трубку, набираю в лёгкие побольше дыма.

После этого разговора мне как-то совсем беспокойно становится на душе. У меня начинает зарождаться чувство, что от меня реально что-то скрывают. Ощущение всеобщего заговора. Но зачем? Почему? Я встаю и наворачиваю несколько кругов по комнате. Какой временной отрезок сильнее всего выпадает у меня из памяти? Конец прошлого апреля, начало мая. До выпускного месяц. Было... тепло? Или холодно? Я сдавал экзамены... Кажется, биологию? Нет, ну забыть предметы, к которым готовился — это уже действительно странно, ведь прошёл всего год. С кем я общался в то время? Фэйт, но она не говорит со мной об этом. Кайл, Грубый, ещё пара пацанов из параллельного класса. И... Руфь? Мне казалось, мы с ней уже расстались к этому времени, и она задорно еблась со своим великовозрастным Ромео. Но я почти уверен, что мы общались в апреле. Ну да, даже сидели за соседними партами на английском! Может, спросить её? Я посмеялся со своей тупизны, но машинально стал пролистывать телефонную книгу. А, Б, В, Г... Так, К. Руфь К... Энни Карлайл, Джонни Кендрик, а потом сразу Бен Лайнус? Ну конечно, какой же я дебил. Ещё бы я стал хранить номер этой шлюхи в своей телефонной книге. Я быстро свайпнул контакты вверх, полистав до номера доктора Андерса. Нажав иконку телефона, я стал вслушиваться в монотонные гудки. Один. Второй. Третий. Да, время явно не подходящее для звонков пациентов. Но сейчас я ощущаю небывалое смятение. Ну же, док, ты так ругал меня за то, что я не звоню тебе в кризисные моменты. Я проебал всех своих близких людей, встрял в неприятности, а сейчас чуть не позвонил рыжей потаскухе из глубин Ада. Что это, если не кризис? «Абонент не отвечает или временно недоступен. Попробуйте позвонить позже», — раздаётся в трубке противный женский голос. Да чёрт бы с ним! Я выключаю телефон и, накинув джинсовую куртку выхожу из дома. Темнеет по-летнему поздно, но солнце уже зашло, и людей, бездельничающих

на ступеньках своего крыльца, остаётся всё меньше. Я прохожу мимо каких-то уродов с бумбоксом и кепками козырьками назад, машинально даю прикурить мужику, попросившему у меня огня. Иду будто бы в никуда, словно на автопилоте следуя одновременно новым и до боли знакомым маршрутом. Наконец, я вижу двухэтажный дом с треугольной крышей, отделанный белой вагонкой. Окна первого этажа горят жёлтым приветливым светом, в то время как спальни на верхнем темнеют чёрными провалами. Даже с дороги я слышу звук телевизора в гостиной — наверное мистер Кей опять заснул за шоу Джимми Киммела. У ворот гаража стоит побитый с двух сторон «Форд» чёрт-знает-какого-бородатого года выпуска. До сих пор помню, как Питер, брат Руфи, водит его, вцепившись в руль скрюченными пальцами, будто это его последняя поездка. До меня доносится запах зелени, исходящий от пушистых кустов под окнами кухни. Его перебивает аромат запечёной курицы с картошкой, кажется, даже успевшей немного подгореть. Я поднимаю глаза, снова вглядываясь в окна спален на втором этаже. Сколько же всего было в той спальне... У западной стены стоит стол с ноутбуком, искусственным растением в горшочке и неизменным срачем из бумажек, кружек и конфетных обёрток. Да уж, живые цветы там не выживали. У стены напротив — полутораспальная кровать с серой простыней, заляпанной многозначительными пятнами. Наверное, я отвратителен, но они мне так нравились. Это почти как засосы на бледной коже, сквозь которую проступают фиолетовые дорожки сосудов. Напоминают о хороших временах. В северной части комнаты — вешалка для одежды в стиле «Ёбанный пиздец» ака «Кошмар миллениала». Футболки с многозначительными надписями, короткие юбки, натянутые до ушей, такие же высокие джинсы, в которые вместе с жопой можно поместить целый мешок картошки. И моё любимое чёрное платье, которое идеально сочетается с тяжёлыми Мартинсами. Удивительно, как на фоне моих проблем с памятью, я вдруг отчётливо вспомнил эти светло-зелёные обои, фотку Кобейна и рождественскую гирлянду, висящую над кроватью круглый год. Шершавый паркет, вечную гору белых носков в углу. Прикроватную тумбочку, книги на подоконнике, несколько ароматических свечей.

И её сладковатый, ни с чем не сравнимый запах.

Неожиданно прямо на моих глазах в комнате зажёгся свет. Дыхание на секунду перехватило и я даже пошатнулся, крепко сжав в кулаки вспотевшие ладони. Наконец я тряхнул головой, чтобы прийти в себя и краем глаза успел увидеть, как меня, словно кеглю для боулинга, сбивает ёбанный белый универсал. Я падаю на асфальт и чувствую, что нога выворачивается под совершенно непривычным углом. Спине становится горячо и одновременно мокро, когда вдоль неё растекается лужа тёмной вязкой крови. Я стараюсь дышать глубоко, но из лёгких вырываются лишь сдавленные хрипы. Слышу, как водитель выскакивает из машины и бежит ко мне, но темнота застилает мне глаза раньше, чем он успевает добежать до моего распластанного по земле обмякшего тела.

Я поднимаю взгляд и вижу уже ставший привычным изуродованный мишурой спортзал. Кажется, я задремал, сидя на трибуне. Руфь сидит двумя ярусами ниже и разговаривает с двумя чуваками из класса математики. Рассказывает им отвратительную шутку, и я сам, не контролируя себя, ржу в голос, отчего она поворачивается ко мне и усмехается в ответ, прищулив пьяные лисьи глаза. Через пару минут она подсаживается ко мне и отливает в мой опустевший стакан половину своего.

— Вот так, даже не спрашивая? — с трудом формулируя мысли, смеюсь я.

— У нас свободная страна, — ехидничает она в ответ, отпивая из своего стакана, при этом не отрывая от меня глаз, — слышала твои истории о бывших. Смешные.

— Какие ещё истории?

— Не те, которые ты затирал своему психотерапевту. Я почти купилась!

— Бля, а ты-то откуда знаешь? — опешил я.

— У меня свои источники, — она заливается саркастическим смехом, который одновременно хочется поддержать улыбкой, и в то же время наградить смачной пощёчиной. Я мысленно ставлю себе напоминание засудить дока ко всем хуям. Тоже мне, хранитель врачебной тайны! Впрочем, сейчас я почему-то даже не могу на него злиться. Может, потому что слишком пьян, ибо песня слащавого Эда Ширана на заднем плане мне даже нравится. Да что уж там, кажется, я в говно!

— Ну и что такого в моих историях? — пытаюсь я докопаться до истины.

— Фантазия хорошая. У тебя всегда получалось наёбывать людей.

— Кто бы говорил! — я стараюсь как можно более картинно удивиться.

— Я хотя бы не придумывала себе партнёров!

— Конечно. У тебя было достаточно настоящих, чтобы блядовать направо и налево! Она допивает своё бухло и, схватив меня за руку, тянет к столу с закусками и пуншем. Я грустно окидываю взглядом заветренные кусочки сыра и сморщившийся виноград, пока Руфь наполняет стаканы так, что содержимое одного из них переливается через край и стекает по её запястью, оставляя на коже липкий след.

— Я никогда не лгала тебе, — как ни в чём ни бывало говорит она, жадно прожёвывая кусочек вяленой говядины, сохранившейся на столе не сожранной по счастливой случайности.

— Да ну? А как же этот твой... как его... Гарри?

— Кев, — закатывает она глаза, обходя вокруг меня и становясь с другой стороны, — на сколько процентов ты уверен, что ты его не выдумал?

Я равнодушно усмехаюсь, но в моей голове начинают лихорадочно крутиться мысли. Гарри... Взрослый говнюк, с которым она изменяла мне прямо за моей спиной! С очерченными скулами, щетиной и... в шляпе? Погодите, какой идиот будет ходить в шляпе? Я буквально почувствовал, как моё лицо принимает идиотскую растерянную гримасу.

— Правильно, Кев, — Руфь хлопает ресницами, — Харрисон. Форд. Мой любимый актёр. Единственный взрослый мужик, бывший в нашей жизни.

— Как же так? — непонимающе мямлю я, — я был уверен...

Руфь прыгает в толпу танцующих, и я бросаюсь за ней. Мы втискиваемся в круг размалёванных чёрных девчонок, задорно двигающихся под «Shape of you». Руфь смеётся и виляет бёдрами, соприкасаясь спинами с длинноволосой Мелиссой Джеймс.

— Очень трогательная история про комбинезон и апельсиновое масло, кстати! Я чуть не прослезилась! — бросает мне она, пытаюсь перекричать музыку.

— Зачем ты смеёшься?

— Нужно быть очень талантливым! И очень тупым!

— Для чего? — я едва не срывая голос, пытаюсь докричаться до неё с другого конца плотного кольца танцующих выпускников.

— Чтобы разложить одну историю на три!

— Да о чём ты?!

— Кев! — кричит она, выпрыгивая в центр круга и начиная прогибаться, выполняя руками над головой плавные движения. Она приближается то к одной, то к другой девушке из круга, обмениваясь с ними хищными взглядами, пока наконец не подскакивает ко мне, взмахнув запястьем у меня перед носом. Поначалу я морщусь в непонимании, но через секунду чувствую резкий апельсиновый запах, — комбинезон тоже был мой! — выкрикивает она и снова исчезает в толпе.

Я бросаюсь ей вслед, но ноги слушаются с трудом. Голова гудит и кружится, но я чувствую себя каким-то необъяснимо счастливым. Вот за это я люблю старое доброе бухло. Почему я был таким пьяным на выпускном? Я, конечно, не против иногда прибухнуть, но небывало сильное ощущение опьянения — единственное чёткое воспоминание, которое у меня осталось с тех дней. Куда я вообще катился?

Не обнаружив Руфи в зале, я выхожу в коридор, слегка пританцовывая. Я нахожу её у шкафчиков — она стоит, прислонившись спиной к прохладной стене и смотрит на меня в упор. Я подхожу и, оперевшись рукой в стену, нависаю над ней. Рассматриваю черты её лица: прямой, слегка курносый нос, будто бы приплюснутый на кончике, тонкие губы, угловатая линия челюсти и всё те же непослушные рыжие кудряшки, слегка прилипшие ко вспотевшему лбу от постоянного движения.

— Ты вспомнил? — игриво спрашивает она.

— Что вспомнил?

— Ты сломаешься рано или поздно, — она улыбается и подаётся вперёд, почти касаясь сухими губами моих губ. Я чувствую её горячее дыхание, пахнущее спиртом, вяленой говядиной и охуительной страстью, — я никуда не уходила, — шепчет она, неожиданно выскользнув из-под моей руки и снова бросившись в сторону спортзала.

— Но почему тогда тебя не было на выпускном? Стой! — кричу я ей вслед и снова бегу за ней.

Мне кажется, что я бегу по коридору целую вечность. То ли от количества выпитого, то ли от усталости, всё вокруг начинает плыть, будто в фильме Кубрика. Меня начинает раздражать постоянное чувство потерянности и непонимания происходящего. Как я вообще сюда попал, если задуматься?

Когда я вхожу в зал, он кажется мне уже изрядно опустевшим. Кто-то разошёлся по домам или, вероятнее всего, на продолжение «банкета» в более маргинальном месте. Кто-то лениво дёргается под ещё играющую музыку. Кто-то опустошает остатки бесплатной жратвы, стараясь не морщиться от её слишком жирного и некачественного привкуса. И только Руфь стоит посреди истоптанных конфетти в центре зала и смотрит на меня в упор так, что у меня внутри всё переворачивается. Ещё минуту

назад я был уверен, что пьян в стельку и не чувствую не то, что собственных мыслей, но даже собственного тела. Сейчас же состояние опьянения будто улетучилось, оставив только сердце, бешено колотящееся в груди. Похоже на старую добрую паническую атаку, но только тёплую и приятную. Примерно как когда ты обосрался, но на улице такой холод, что даже неплохо. Очередное попсовое дерьмо, доносящееся из колонок, заканчивается, и я слышу высокие электронные ноты, маленьким молоточком отдающиеся в моём сознании. Enjoy the silence. Та самая, которую мы слушали, развалившись на её тесной полутораспальной кровати и деля одни наушники на двоих. За окном тогда валил охренительно красивый снег, а её хрупкая ладонь лежала на моей грудной клетке, легонько постукивая пальцами в такт синтетическому биту.

*...Words like violence
Break the silence
Come crashing in
Into my little world...*

Я делаю шаг ей навстречу, внутри себя безумно боясь, что сейчас она снова сорвётся и бросится бежать, втягивая меня в это бесконечное плутание по одинаковым школьным коридорам, в существовании которых я даже не уверен. Но она не двигается с места и позволяет подойти ближе. Я приближаюсь и осторожно убираю прядь растрепавшихся волос с её лица.

— Ты... потанцуешь со мной? — я мог бы задать этот вопрос с насмешкой. Или с издёвкой. Или небрежно бросить его так, будто разговариваю с давно знакомым корешем. Или и вовсе многозначительно усмехнуться, ведь это правда смешно — приглашать на танец человека, который когда-то бежал в ванную с полным ртом твоего добра, неуклюже натягивая трусы на ходу. Но сейчас я спросил её так, будто я восьмиклассник. Тот маленький и напуганный Кевин, который впервые увидел в школьном коридоре хрупкую ссутулившуюся девочку с кучей книг, прижатых к груди. У неё тогда были длинные волосы, выкрашенные в неестественный чёрный цвет, но веснушки на переносице выдавали её истинную натуру. Сейчас она стоит передо мной — рыжая, взрослая, более настоящая, чем когда-либо, но будто бы смотрит взглядом той самой маленькой девочки, которая случайно встретилась со мной глазами и тут же бросилась делать вид, что пристально рассматривает что-то очень важное в своём шкафчике.

— Да, — соглашается она на моё предложение, и я беру её за руку, приобняв за талию.

Не люблю танцевать, особенно там, где есть чужие люди. Но сейчас мне так насрать на окружающих — почему-то я чувствую себя счастливее, чем когда-либо в жизни.

*...All I ever wanted
All I ever needed
Is here in my arms...*

— Кев, — говорит она, заглянув мне в глаза, — какой сегодня день?

— Ну очевидно, что день выпускного, — усмехаюсь я, картинно окинув взглядом окружающую обстановку.

— Ты уверен?

Я хмурюсь и пытаюсь снова соединить сбившиеся мысли в одно целое. На стене за спиной Руфи чудесным образом оказывается отрывной календарь с идиотскими котятами. Красное окошечко, отмечающее число, застыло на отметке 17 мая.

— Чёрт, кто-то забыл про календарь. Показывает, что 17 мая...

— Сегодня 17 мая, — тихо говорит Руфь, плавно переступая с ноги на ногу.

— А что было 17 мая? — спрашиваю я и вдруг начинаю чувствовать, что проваливаюсь в бесконечную чёрную пустоту. Я смотрю в глаза Руфи, и в моей голове одно за другим начинают проноситься воспоминания. Как же я был зол на неё за то, что она не пришла на выпускной! С другой стороны, мне было уже похер, ведь я бухал целый месяц до его начала, и с трудом вспоминал, кем я являюсь, когда припёрся на вручение аттестатов с недельной щетиной и в грязном пиджаке. Почему меня никто не пытался остановить? Почему мама не читала мне нотаций о том, что я качусь на дно, ведь родители всё ещё жили в Чикаго в тот момент? Почему друзья не осуждали меня, пытаюсь направить на путь истинный? Как моё окружение простило мне этот пиздец, закрыв на него глаза? И что случилось 17 мая, если несколько месяцев моей жизни буквально стёрлись из памяти, оставив за собой лишь пустоту и стремление к саморазрушению?

Я снова перевёл взгляд на Руфь и увидел, как в её глазах застыли слёзы.

— 17 мая я умерла, Кев.

Я чувствую разрывающую боль в груди и слабость в ногах. Осколки памяти наконец складываются в один пазл. Детали образов всех тех придуманных девушек, о которых я так старательно пиздел доку, сливаются в одну — Руфь, ту Руфь, которую я увидел в школьном коридоре, когда был ещё совсем пиздюком, и уже не смог разлюбить её. Ту Руфь, которая познакомила нас с Фэйт, которая курила косяк в окно, устроившись на подоконнике моей комнаты и рискуя спалиться перед родителями. Руфь, которая прижималась ко мне во сне, танцевала рядом со мной, плакала на моём плече. Которая бежала по весеннему Чикаго в расстёгнутом пальто и со смехом разгоняла стаи голубей, жмурясь от апрельского солнца. Это была та самая Руфь, которую прямо на моих глазах сбил ёбанный белый универсал с пьяным мудаком за рулём. Весь прошедший год мой изуродованный мозг старательно придумывал историю о том, что она изменила мне с каким-то взрослым мужиком, исчезнув из моей жизни как последняя сука, но правда в том, что у неё никогда не было никого ближе меня и дороже меня. И когда её брат приходил занести мои вещи из её дома, я не знаю, как я не умер прямо на месте. Видимо, подсознание старательно бережёт нас от таких вещей, и ему стоило бы быть благодарным. Как стоило бы быть благодарным моим друзьям, которые точно так же любили её и скучали, но целый год ломали комедию, что её и вовсе никогда не существовало, лишь бы не спровоцировать очередной приступ посттравматического расстройства у меня. И мои родители, которые присылали мне невероятную кучу бабла на психотерапию, и док, который так обстоятельно и осторожно вытягивал из меня эти воспоминания, пытаюсь помочь мне пережить их...

Меня начинает трясти, тошнить, и голова кружится так, что на ногах устоять почти невозможно. Я тяжело и быстро дышу, прижимая Руфь к себе и совершенно не понимаю, что должен делать.

*...Words are very unnecessary
They can only do harm...*

— Ты ведь не настоящая, да? — дрожащим голосом пытаюсь выдавить я сквозь ком в горле.

— Такая, какой ты меня запомнил, — тихо отвечает она.

— Зачем я должен был вспоминать это? Зачем?! — я почти срываюсь на крик.

— Тебе станет легче, — её голос кажется таким ровным и тёплым, что мне на мгновение становится спокойнее. Но я всё равно ощущаю, как слёзы катятся у меня по щекам. Мне всю жизнь говорили, что проявлять эмоции — это не мужское занятие. Кажется, эти люди никогда не теряли тех, кто был им действительно дорог.

— Хорошо, что ты вспомнил, — продолжает она, — теперь ты знаешь, что должен меня отпустить.

— Но я не хочу... — собрав всю оставшуюся волю, я слабо улыбаюсь, — ты ведь обещала потанцевать со мной на выпускном.

— Я выполнила своё обещание, — отвечает она, крепче сжимая моё плечо в танце, — но ты должен пообещать, что отпустишь меня. Пора, Кевин.

— Обещаю, — с трудом выдавливаю я, сам едва веря своим словам.

*...All I ever wanted
All I ever needed...*

Я танцую с ней в последний раз. Чуть больше года назад я обнимал её, думал о будущем, о том, что сожрать на завтрак, идти ли учиться дальше, и как круто было бы собрать всех в пятницу, чтобы потусоваться вместе. Я не мог даже представить, что на год выпаду из жизни, опущусь на дно, погружусь в посттравматический синдром настолько, что не смогу доверять даже собственному мозгу. А ведь я всегда считал, что нет ничего сильнее человеческого сознания, а все эти рассказы о бреде, навязчивых идеях и депрессии — это выдумки слабаков. Я думал, что моей главной проблемой будет поиск новой говняной работы, а теперь я танцую со своим любимым человеком в чёрт знает откуда взявшемся в моей голове изуродованном мире с декорациями школьного выпускного. И я понимаю, что больше никогда не увижу её. Даже в своих бредовых фантазиях. Каждая нота песни на фоне приближает меня к этой секунде, и я ничего, блять, не могу сделать. Ни-че-го.

...In my arms...

Эпилог

Я осматриваюсь по сторонам и силюсь понять, где нахожусь. Рядом со мной какие-то люди, а на плечах — флисовый клетчатый плед подозрительно знакомой расцветки. Я приподнимаюсь на локте и сажусь на холодный грязный тротуар.

— Господи, Кевин, слава богу ты в порядке! — восклицает миссис Кей и обнимает меня, словно своего родного ребёнка.

Я сижу на тротуаре перед домом, в котором когда-то жила Руфь. Её мать хлопочет, прикладывая ватный тампон со спиртом к моему виску, который я, видимо, успел разбить, потеряв сознание. Мистер Кей сидит рядом на корточках, держа в руках коробку от обуви, служащую аптечкой в верхнем левом шкафчике над плитой в их отвратительно уютной кухне. Питер стоит неподалёку с телефоном в руках, видимо, так и не решившись набрать номер скорой, когда увидел меня, распластавшегося на тротуаре по никому не известной причине. Я дрожащей рукой достаю пачку сигарет из кармана и закурываю, не обращая внимания на окружающих. Даже на миссис Кей, которая закашлялась от дыма, но не подала виду, что что-то не так, лишь перестала суетиться и отстранилась, глядя на меня с болезненной заботой, как смотрят обычно на того, кому очень хочешь помочь, но не представляешь, что делать. В наушнике, повисшем у меня на плече, заканчивает играть чёртова Enjoy The Silence.

Дым расплзается по остывшей улице вечернего Вудлоуна, растворяясь в свете фонарей. Я наслаждаюсь тишиной этого мира, внезапно утратившего все звуки и краски. Теперь я вынужден учиться наслаждаться ей. Я чувствую пустоту и одновременно какую-то лёгкость. Знаете, как человек, узнавший, какая именно у него смертельная болезнь, чувствует облегчение после нескольких лет страха и неопределённости.

В нашем мире сейчас столько оттенков, столько разных отношений между людьми. Миллионы историй, миллиарды судеб, и все разные. За свою недолгую жизнь я так и не понял, пожалуй, ни одного механизма, не разобрался, как правильно жить. Я не знаю, что именно есть любовь, не смог бы даже написать статью в дешёвый журнал, где бы описывалось, как отличить страсть от влюблённости и от ещё какой-нибудь херни. Но я никогда никому не лгал: ни себе, ни своим близким. Не общался с кем-то только потому, что так необходимо, и старался не гнаться за модой или желанием быть похожим на своих знакомых. Мы с Руфью часто выглядели так, будто бы мы — два совершенно отбитых урода, которые просто способны вытерпеть друг друга, и которые нуждаются в компаньоне по совершению всякой стрёмной хуеы, на которую нормальные люди не решаются. Некоторые учителя и вовсе задвигали теорию о том, что мы просто хорошо смотримся вместе. Хочется послать их нахуй с такими идеями, хотя сложно винить кого-то за подобные домыслы, ведь большая часть молодых людей именно так и поступает. Когда ты молод, жизнь должна быть лёгкой, и люди приходят и уходят из неё, как будто это проходной двор. Но у меня так не получалось. Может, на меня так повлияли случаи, когда приходилось вытаскивать обдолбанного Кайла из самых тяжёлых пиздецов и забирать Фэйт из дома, когда наркоманы со ржавыми отвёртками снова устраивали драку в её гостиной. Прикрывать Грубого,

когда копы прямо в лоб спрашивали, знаю ли я что-нибудь, и пиздиться с громилами, которые считали, что Том заслуживает смерти за желание покинуть банду. Наверное, осознание того, что твои друзья вечно ходят по лезвию ножа, делает тебя более ответственным и заставляет ценить их так, как будто каждый день видишь их в последний раз. Только вот я всегда был морально готов потерять кого угодно из них, бороться до последней капли крови, но смириться, если не получится... но потерять Руфь я не был готов никогда.

Я сидел на железной балке заброшенного склада и смотрел, как она играючи балансирует на ней, зажав в зубах сигарету, а в руке — старый айфон, из динамика которого хрипел Лемми. Она беззвучно подпевала «Stand by me», а я смотрел на неё и понимал, что будто бы всегда её знал и всегда буду. Я даже иногда рисовал в голове события нашей дальнейшей жизни: мы, как в тупых фильмах, будем расставаться и снова сходиться, она будет орать, царапаться и бить тарелки, мы не будем разговаривать месяцами, а потом напиваться вдрызг и трахаться, как в последний раз. Она заложит кольцо моей бабушки в ломбард, а я внесу за неё залог в полиции. Она спалит брови от подожжённой мусорки, а я сломаю руку, наебнувшись со стойки бара при мотеле где-нибудь в Аризоне. Мы купим белые рубашки в секунде и раз в месяц будем приходить на бизнес-ланч в самый пиздатый ресторан города, картинно поругавшись прямо в процессе обеда и размазывая пасту с соусом Карбонара по лицам друг друга. Она обязательно побывает за кем-то замужем, а я — в психушке. Иногда мы будем так близко друг к другу, что наши тела, намокшие от пота, будут прилипать друг к другу с дебильным чпокающим звуком, а иногда так далеко, что на авиабилет придётся копить месяцев пять двойных смен у Сэмми. Я знал, насколько она ебанутая (примерно настолько же, насколько я, только хуже), и я был готов к любой её выходке и смириться с ней. Но я никогда, блять, не мог себе представить, что мне придётся смириться с тем, что я больше никогда её не увижу.

Мистер и миссис Кей, видно замёрзнув, ушли в дом, набросив мне на плечи второе одеяло и оставив рядом кружку горячего какао. Питер сел в машину и уехал куда-то по своим делам. Входную дверь они предусмотрительно не заперли, а в гостиной оставили непогашенный свет. Сигарета почти догорела, обжигая кончики моих пальцев тлеющим раскалённым пеплом. Серый дым всё так же расплзается по такой знакомой улице, постепенно расцветая пусть болезненно-уродливыми, но уже такими привычными красками весеннего Чикаго.

Мне будет безумно тебя не хватать.
Но я отпущу тебя.
Обещаю.